

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Цынк С.В.** Лексические окказионализмы (имена существительные) в произведении А.И. Солженицына «Двести лет вместе»..... 5

Публикации аспирантов

- Васильева М.Н.** Особенности тезаурусного и мотивационного уровня языковой личности В.Е. Максимова на материале текстов «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин» 11
- Сенина И.С.** Классификаторы и родовые слова: функциональный аспект 17

ЛИТЕРАТУРА

- Аношкина-Касаткина В.Н.** Романтический психологизм М.Ю. Лермонтова и Ф.И. Тютчева..... 24
- Шестопалова Г.А.** Афоризмы в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина 31
- Щедрина Н.М.** Повесть «Один день Ивана Денисовича» и концепция «сбережения народа» А. Солженицына. (к 50-летию выхода повести из печати)..... 36

Публикации аспирантов

- Клюкина А.В.** Творчество В.Г. Бенедиктова в литературно-критической концепции В.Г. Белинского..... 41
- Никонова Н.А.** Особенности применения жанровой теории в драматургии..... 48
- Червоненко С.М.** Образ монаха в современной прозе малых жанров 54

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.02 по русскому языку, теории и методике обучения русскому языку (специальности 10.02.01 – русский язык, 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания [русский язык]) при Московском государственном областном университете в 2012 году 59

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на сборник «Рациональное и эмоциональное в русском языке» 63

- НАШИ АВТОРЫ..... 66

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

- S. Tsynk.** Lexical occasionalisms (nouns) in the work “Two Hundred Years Together”
by A. Solzhenitsyn 5

Publications of post-graduate students

- M. Vasilyeva.** Peculiarities of Thesaurus and Motivational Level of V. Maximov’s Linguistic
Personality basing on the texts of “Ark for the Uninvited”, “Look into the Abyss”
and “Quarantine” 11
- I. Senina.** Classifiers and Nouns of Genre Semantics in the Functional Aspect 17

LITERATURE

- V. Anoshkina-Kasatkina.** Romantic Psychologism of M. Lermontov and F. Tyutchev 24
- G. Shestopalova.** Aphorisms in the Works of M. Saltykov-Shchedrin 31
- N. Shchedrina.** “One Day in the Life of Ivan Denisovich” and the Concept of “Saving People”
of Alexander Solzhenitsyn (to 50th anniversary of the first publication) 36

Publications of post-graduate students

- A. Klyukina.** The Poetry of V. Benediktov in the Context of the Literary-Critical Conception
of V. Belinsky..... 41
- N. Nikonova.** Peculiarities of the Genre Theory Application in Drama 48
- S. Chervonenko.** Image of monk in modern small genres prose..... 54

THE SCIENTIFIC LIFE

- Report on the Dissertation Council D 212.155.02: the Russian language, the theory and methods
of teaching Russian (specialty 10.02.01 - Russian, 13.00.02 - Theory and Methods of training and
education [of Russian]) at Moscow State Regional University in 2012..... 59

REVIEW

- A review of the collected articles «Rational and emotional in Russian «..... 63

- OUR AUTHORS 66

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'373.43:821.161.1 Солженицын

Цынк С.В.

*Национальный исследовательский ядерный университет
"МИФИ"*

(филиал - Димитровградский инженерно-технологический институт)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ (ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ) В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»

S. Tsynk

Dimitrovgrad Engineering and Technological Institute

LEXICAL OCCASIONALISMS (NOUNS) IN THE WORK "TWO HUNDRED YEARS TOGETHER" BY A. SOLZHENITSYN

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых лексических окказионализмов (имён существительных) произведения А.И. Солженицына «Двести лет вместе».

В работе исследуются критерии окказиональности, рассматривается дискуссионный вопрос о соотношении окказиональных и потенциальных новообразований. В статье приведено описание компонентов анализа лексических окказионализмов как элементов диалекта и – шире – идиостиля писателя.

Автор приходит к выводу, что описанные в работе окказиональные имена существительные необходимы для выражения писательской мысли, создаются А.И. Солженицыным осознанно, нарочно, они всегда «привязаны» к определённом контексту, ситуации, понятны читателю.

Ключевые слова: лексические окказионализмы, А.И. Солженицын, критерии окказиональности, ингерентная экспрессия, функциональная значимость окказионализма в тексте.

Abstract. The article is devoted to the analysis of some lexical occasionalisms (nouns in particular) in the essay "Two Hundred Years Together" by A. Solzhenitsyn.

The author investigates occasionality criteria, discusses the polemic question of interrelation between occasional and potential neologisms. The article describes components of analysis of lexical occasionalisms as idiolect elements and — in a more comprehensive sense — the author's idiolect.

The author comes to the conclusion that the occasional nouns described in the work are necessary to express the writer's thought, they are deliberately and consciously created by A. Solzhenitsyn and are always "connected" to a certain context or situation, they are clear to the reader.

Key words: lexical occasionalisms, A. Solzhenitsyn, occasionality criteria, inherent expression, functional importance of occasionalisms in a text.

Своеобразным сочетанием, синтезом национального языка, культуры и личностного восприятия картины мира в языке являются окказиональные образования, неотъемлемая часть

© Цынк С.В., 2013.

индивидуально-авторского стиля, одно из ярчайших проявлений языковой личности автора.

Термин «*окказионализм*» (от лат. *occasio* – «случай») впервые вводит в русистику Н.И. Фельдман. В лингвистической литературе можно встретить изобилие терминов (до 30 наименований) для обозначения данного явления, среди них: потенциальные слова, индивидуальные слова, индивидуально-авторские слова, слова-однодневки, слова-экспромты, слова-метеоры, стилистические неологизмы, одноразовые неологизмы, авторские неологизмы, «эгологизмы». Что касается термина «*окказионализм*», то он представляется наиболее кратким, содержательно определённым, самым распространённым в научной литературе.

Окказиональное (слово, значение, словосочетание, звуко сочетание, синтаксическое образование), по О.С. Ахмановой, – это «неузвальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [1, с. 284].

В современной теории окказиональности дискуссионным является вопрос о соотношении окказиональных и потенциальных новообразований, имеющий два возможных варианта решения:

1) все речевые образования являются окказиональными независимо от того, созданы они по деривационным законам языка или с нарушением этих законов. Эта широкая точка зрения на проблему представлена в работах В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова и других языковедов. При таком решении потенциальные слова (термин Г.О. Винокура) являются разновидностью окказиональных.

2) среди речевых новообразований следует различать потенциальные слова как соответствующие языковой норме и окказиональные образования как противоречащие норме в той или иной степени. Данная, «узкая», точка зрения на сущность окказионализмов характерна для исследований Е.А.

Земской, Р.Ю. Намитоковой, Э.И. Ханпиры и других исследователей.

Представляется приемлемым для нас первое решение вопроса, условимся считать потенциальные слова разновидностью окказиональных.

Лексические окказионализмы – это единицы, которые создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой или в некотором противоречии с ней. Менее частотно образование лексических окказионализмов лексико-синтаксическим и морфолого-синтаксическим способом. При образовании лексических окказионализмов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Новообразование компонуется из морфем, уже существующих в языке, при этом «<...> истинно новым <...> в слове, которое только что создано, является скрещение координат, а не координаты как таковые» [6, с. 86].

Все исследователи (Н.Г. Бабенко, Е.А. Земская, А.Г. Лыков и другие) отмечают наличие целого ряда специфических признаков, отграничивающих окказионализмы от канонических слов. Наиболее существенными из этих критериев, на наш взгляд, являются следующие:

- речевая принадлежность;
- невозпроизводимость (творимость);
- «разовость» употребления;
- словообразовательная производность;
- ненормативность;
- связь с контекстом;
- экспрессивность;
- номинативная факультативность;
- «постоянная новизна»;
- индивидуальная принадлежность.

Н.Г. Бабенко указывает среди причин, побуждающих автора к созданию индивидуально-авторских образований, следующие:

а) необходимость точно выразить мысль (узуальных слов для этого может быть недостаточно); б) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование можно заменить словосочетанием и даже предло-

жением); в) потребность подчеркнуть своё отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, дезавтоматизировать восприятие; д) потребность избежать тавтологии; е) стремление добиться комического эффекта [2].

Окказионализм возникает в контексте, формируется им и в то же время сам зачастую является текстообразующей единицей. Поэтому анализировать окказиональное образование любого типа следует только в его контекстной позиции, с учётом его контекстных связей.

Истолкование окказионализма возможно посредством словообразовательной перифразы, синонима или синонимического ряда, описательного оборота или даже семантического очерка, что требуется для окказионализмов, особо сложных структурно и семантически, а также для новообразований, являющихся концептуальными текстообразующими средствами.

Авторские лексические единицы обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований. Они, как правило, экспрессивно окрашены. Окказиональное слово «привязано» к контексту лишь по смыслу, по своему лексическому значению, экспрессивность же его носит независимый характер. Новообразование как средство экспрессии усиливает впечатляющее воздействие речи и передает её неповторимое своеобразие.

Экспрессивность окказиональных слов носит ингерентный характер. Ингерентная экспрессия означает, что окказиональное слово экспрессивно само по себе, в силу особенностей своего внутреннего словообразовательного строения. Степень экспрессивности различных новообразований неодинакова: чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального сло-

ва, тем меньше экспрессивности содержится в этом слове, и наоборот.

А.И. Солженицын склонен к словотворчеству по самой природе своего писательского дара. В историческом очерке «Двести лет вместе» он использует 59 окказионализмов (потенциальных слов), относящихся к именам существительным:

верховластье, возглавитель, всеземность, всечеловечность, вынужденность, возглавитель, дремль, еврейскость, жалкость, задубенелость, интернационалистичность, космополитичность, ловчик, мирочувствие, многочислие, наблюдательство, надмирность, накалённость, невылазность, невыпуск, недобровольность, недоразумие, ненастоятельность, неочернительство, новожительство, обезлюжение, обещательность, обратничество, опоминание, опрощенчество, ощетиненность, перебыв, перебросчивость, перекачливость, перелётность, перемётчество, перепрыг, перехлын, печатность, повторительность, позорность, показность, полегчание, потеснение, противосвидетельство, разбрёд, раззаговор, разномесье, разнотяготение, раскал, самобережливость, самоослепление, сращённость, стеснитель, сторонение, трубёж, укоренённость, утягощение, чужесть.

Анализ, позволяющий охарактеризовать лексические окказионализмы как элементы идиолекта и – шире – идиостиля писателя, состоит из компонентов:

- 1) поиск узуальной мотивирующей основы (или мотивирующих основ);
- 2) выявление и семантическая характеристика деривационного средства (или деривационных средств);
- 3) определение способа словообразования (или формообразования), продуктом которого является окказионализм;
- 4) построение деривационной (формообразовательной) модели, по которой создан окказионализм;
- 5) установление узуальности или окказиональности деривационной (формообразовательной) модели, по которой создан окказионализм;

6) определение степени окказиональности данного новообразования;

7) характеристика контекста, в котором создан окказионализм;

8) определение причин, побуждающих автора к созданию новообразования;

9) формулирование значения окказионализма;

10) характеристика функциональной значимости окказионализма в тексте произведения;

11) выяснение экспрессивного потенциала индивидуально-авторского слова.

Рассмотрим некоторые из окказионализмов, употреблённых А.И. Солженицыным в тексте исторического очерка.

Всеземность, всечеловечность, вынужденность, задубенелость, еврейскость, интернационалистичность, космополитичность, надмирность, обещательность, ощетиленность, перебросчивость, перекачливость, перелётность, печатность, повторительность, показность, сращённость, укоренённость – эти окказиональные имена существительные с суффиксом *-ость / -ность* соответствуют наиболее продуктивному типу образования слов с отвлечённым значением признака, свойства. Такие имена существительные совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному (или причастию) значение признака со значением существительного как части речи [11, с. 176]. Мотивирующие прилагательные (или причастия) – всечеловечский, вынужденный, еврейский, интернационалистический, космополитичный, обещательный, ощетиленный, перекачливый (устар.), перелётный, печатный, повторительный, показной, сращённый, укоренённый.

Окказионализмы *всеземность, задубенелость, надмирность, перебросчивость* мотивированы не реальными, а гипотетическими именами прилагательными (чересступенчатое образование): всеземной, задубенелый, надмирный, перебросчивый.

Данные потенциальные слова «заполняют пустые клетки словообразовательных

парадигм, т. е. реализуют действие законов словообразования» [5, с. 180]. Они содержат слабый заряд экспрессии, так как созданы по высокопродуктивному словообразовательному типу.

Употребление окказионализмов *еврейскость, надмирность, перекачливость* диктуется необходимостью точно выразить мысль. Примеры.

1. «Кого считать евреем? Кто – еврей?», и ещё так: «что такое *еврейскость?*» – это для самих евреев сегодня не простой вопрос [13, с. 5].

2. Он брёл сквозь релятивизм, агностицизм – кажется, в высочайшей *надмирности* [13, с. 461].

3. А ещё принял трон Александр II в тяжёлой *невывлазности* Крымской войны против соединённой Европы, в *перекачливости* трудного решения – выстаивать или сдаваться [12, с. 135].

Производные окказиональные слова *обещательность, ощетиленность* и *перебросчивость* вводятся в текст как ёмкие по своей семантике знаки, за которыми легко узнаются типы отношений и ситуаций, в них обобщены отражённые знания, то есть языковая личность «при необходимости разворачивает эти знаки в определённые цепочки знаков» [7, с. 183]:

1. Но с какой вальяжной солидностью и *обещательностью* входит в сознание интеллигентской России – марксизм! [12, с. 242].

2. Но – и «главную фигуру революции», Керенского, в национальном духе тоже не уличишь, ни на какой стадии. Зато – постоянная насторожённая *ощетиленность* против всяких вообще консервативных кругов, и тем более – русских национальных [13, с. 65].

3. Много трудней обозреть власти областные-краевые – и не только потому, что они в центральной прессе мало мелькали, – ещё более из-за изумительной их подвижности, *перебросчивости* с поста на пост [13, с. 214].

Введение в текст новых номинаций *перелётность, повторительность, показность* создаёт возможность свернуть ненужные

детали описания, произвести своеобразный отбор релевантных для изображения данной ситуации черт, необходимых для создания творческих эффектов выразительности и суггестии:

1. Кадры – всё ещё немногочисленны и незаменимы, и в их *перелётности* нет заботы, что всякий новичок – чужой для каждой новой местности [13, с. 283].

2. Всё это обильно представлено в его книге, наслоем множества документов и статистики, с многократной *повторительностью*, иногда противоречивостью донесений ... [12, с. 72].

3. Крестьян из 30 его членов – было трое, такова была привычная *показность* уже той, до-большевицкой, власти [13, с. 61].

Окказионализмы *сращённость* и *укоренённость* служат задачам коммуникации, а значит, выступают в виде «определённым образом оформленных единиц в соответствии с их коммуникативным заданием» [7, с. 179]:

1. В Двадцатые и Тридцатые казалась необратимой *сращённость* советского еврейства с большевизмом [13, с. 454].

2. В своём поверхностном пошлом интернационализме Ленин не понимал глубины и исторической *укоренённости* еврейского вопроса [12, с. 248]. .

Слова *всеземность*, *всечеловечность*, *интернационалистичность*, *космополитичность* включены в один синонимический ряд и являются характеристикой идеологии:

Ещё с разгара XIX века, а в начале XX тем более – русская интеллигенция ощущала себя уже на высокой ступени *всеземности*, *всечеловечности*, *космополитичности* или *интернационалистичности* (что тогда и не различалось) [12, с. 474].

Использование авторских слов *вынужденность* (из-за вынуждающих обстоятельств), *задубенелость* (состояние задубения) объясняется стремлением А.И. Солженицына кратко выразить мысль (вышеуказанные новообразования можно заменить словосочетанием или предложением). Примеры.

1. Мол, всю свою историю рассеяния лишённые возможности быть земледельцами,

и лишь по проклятой *вынужденности* занимаясь ростовщицеством, коммерцией и торговлей, – наконец-то евреи осядут на земле, отрекутся от вредных привычек прошлого и своим производительным трудом, под советским небом, развеют недоброжелательные о себе легенды! [13, с. 241].

2. Но ни коварный характер Сталина, ни *задубенелость* советской пропаганды не разрешали ни издать звука, ни сделать шага – вполне открыто [13, с. 391].

Инновация *печатность* (печатные издания) также способствует устранению избыточной информации, посредством чего знакомая сущность выражается более компактно:

Судя по множеству мемуаров – контрабанда, часто еврейская, в том числе с переправкой революционеров или революционной *печатности*, не умерялась вплоть до Мировой войны [12, с. 291].

Лексему *обратничество* А.И. Солженицын заключает в кавычки, подчёркивая её новизну. Смысл окказионализма ясен из миниконтекста (контекста ближайшего окружения): «возвращение евреев из Крыма в 20-30-е годы обратно, на прежнее место жительства». Пример:

С картиной этого «обратничества» 20-30-х годов, «массового отхода евреев от сельского хозяйства в СССР», – сопоставим уход с еврейских земельных колоний XIX века... [13, с. 246].

В данном случае окказионализм появился на свет потому, что, по справедливому замечанию Е.А. Земской, «порой легче «слепить» своё слово, чем найти нужное» [5, с. 33]. Имя существительное *обратничество* имеет отвлечённое значение признака, свойства. При этом мотивирующее прилагательное «обратнический» не существует в языке.

Имя существительное *дремль* образовано А.И. Солженицыным от далевского слова «дремливать» – «быть сонным, сидеть в полусне; засыпать слегка, самым чутким сном» [4, с. 492]. Данный глагол писатель включает в «Русский словарь языкового расширения»

[14, с. 61], таким образом полагая, что он близок к границе литературного употребления. Окказионализм *дремль* обладает прозрачной внутренней формой, он называет отвлечённое состояние [11, с. 223]. Тип, по которому образовано слово, является продуктивным, преимущественно в художественной (особенно в поэтической) речи. По сравнению с общеупотребительными словообразовательными синонимами (дремание, дремливость), окказионализм более ярко и энергично характеризует состояние:

В этом внезапном разгуле дикой мстящей силы после долгой *дремли* – на самом деле духовная беспомощность наших обоих народов [12, с. 405].

Для осуществления актуального коммуникативного задания – обозначения некоего денотата, очевидного для автора, но до определённого момента скрытого для воспринимающего – создан окказионализм *трубёж*:

Отныне – и на десятилетие вперёд – были задушены всякие независимые голоса, гудел только казённый *трубёж* [13, с. 178].

Данное существительное с суффиксом –ёж совмещает в своём значении присущее мотивирующему глаголу «трубить» значение процессуального признака со значением существительного как части речи [11, с. 163]. Окказиональное образование сопровождается оттенком интенсивности действия; тип, по которому оно построено, продуктивен преимущественно в разговорной речи и просторечии.

Окказионализмы – это полноценные, ни в какой степени не ущербные единицы, а «даже более нужные в определённом контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные общеупотребительные слова», – считает В.В. Лопатин [8, с. 65]. Во все времена окказиональное словопроизводство являлось интенсивным процессом в русском языке. Но конец XX – начало XXI века иногда называют «веком окказионализмов». Поэтому изучение индивидуально-авторских лексем требует пристального внимания и осмысления.

Анализ рассматриваемых окказиональных имён существительных показывает, что по-

давляющее количество авторских слов образовано стандартными способами словообразования; их функции зависят от авторского замысла. Индивидуально-авторские неологизмы создаются А.И. Солженицыным осознанно, нарочно (этим они отличаются от спонтанно совершаемых нарушений нормы – речевых ошибок), они всегда «привязаны» к определённому контексту, ситуации, понятны читателю. Мы склонны признать, что описанные выше окказиональные имена существительные необходимы для выражения авторской мысли.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Наука, 1969. – 608 с.
2. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : Калининград: Изд-во КГУ, 1997. – 84 с.
3. Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. – М.: Наследие, 2006. – 152 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1. – М.: ТЕРРА, 1994. – 800 с.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 2007. – 224 с.
6. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 2. – 468 с.
7. Кубрякова Н.В. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Пресс, 2009. – 208 с.
8. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. – М.: Просвещение, 1973. – 313 с.
9. Лыков А.Г. Окказионализм и языковая норма // Грамматика и норма. – М.: Наука, 1977. – 433 с.
10. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1986. – 83 с.
11. Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 783 с.
12. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. – 1 т. – 512 с.
13. Солженицын А.И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002. – 2 т. – 552 с.
14. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М.: Голос, 1995. – 272 с.
15. Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 51-63.
16. Ханпира Э.И. Об окказиональном слове и об окказиональном словообразовании // Развитие словообразовательной структуры языка. – М.: Наука, 1966. – С. 57-63.

Публикации аспирантов

УДК 81'33

Васильева М.Н.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)

ОСОБЕННОСТИ ТЕЗАУРУСНОГО И МОТИВАЦИОННОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В.Е. МАКСИМОВА НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ», «ЗАГЛЯНУТЬ В БЕЗДНУ» И «КАРАНТИН»

M. Vasilyeva

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

PECULIARITIES OF THESAURUS AND MOTIVATIONAL LEVEL OF V. MAXIMOV'S LINGUISTIC PERSONALITY BASING ON THE TEXTS OF "ARK FOR THE UNINVITED", "LOOK INTO THE ABYSS" AND "QUARANTINE"

Аннотация. В статье проводится анализ нескольких концептов художественной картины мира В.Е. Максимова и структурирующих их индивидуальных когнитивных моделей, а также исследуются прецедентные тексты и их роль в языковой личности В.Е. Максимова. Исследование проводится на материале текстов «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин». Анализ показал, что писатель выражает своё отношение к историческим событиям двадцатого столетия, апеллируя к библейским прецедентным текстам. Автор соотносит их с советской эпохой, что отражает его мировоззрение. Новизна исследования определяется анализом нескольких концептов художественной картины мира В.Е. Максимова и структурирующих их индивидуальных когнитивных моделей.

Ключевые слова: концепт; индивидуальные когнитивные модели концептов; картина мира; прецедентный текст; прецедентная ситуация.

Abstract. The article presents an analysis of the main concepts of the imaginative world view of V. Maximov and particular cognitive models which construct them, it also studies precedent texts and their role in V. Maximov's linguistic personality. The study is carried out on the basis of the texts "Ark for the Uninvited", "Look into the Abyss" and "Quarantine".

The analysis has revealed that the writer expresses his attitude towards historical events of the 20th century appealing to the Biblical precedent texts, he correlates them with the Soviet epoch which reflects his worldview. The novelty of the study consists in the analysis of the main concepts of the imaginative world view by V. Maximov and individual cognitive models which construct them.

Key words: concept, individual cognitive models of the concept; worldview; precedent text; precedent situation.

Цель статьи – исследовать когнитивные модели концептов *память, душа, слово, время* в текстах «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин», проанализировать пре-

© Васильева М.Н., 2013.

цедентные тексты и прецедентные ситуации в данных романах, определить их роль. Такой анализ проводился на фоне русской общенациональной языковой картины мира. Мы выбрали именно эти концепты, поскольку они наиболее устойчивы и постоянны среди других концептов В. Максимова в данных текстах.

В исследовании языковой личности В.Е. Максимова мы опираемся на модель языковой личности, представленную Ю.Н. Карауловым, которая включает 3 уровня: нулевой (вербально-семантический), первый (тезаурусный) и высший (мотивационный) [4, с. 52]. В данной статье мы рассматриваем тезаурусный и мотивационный уровни языковой личности В.Е. Максимова на материале его текстов «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и «Карантин», а именно: концепты *память, душа, слово, время*, структурирующие их индивидуальные когнитивные модели, прецедентные тексты данного писателя. Для этого мы использовали метод сплошной выборки.

В процессе контактов с окружающим миром, восприятия мира человек по-своему концептуализирует его. Эта концептуализация, отражающая отношение человека к нему, то есть «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» и называется картиной мира [12, с. 21]. Каждый естественный язык отображает свой способ восприятия и организации (=концептуализации) мира. Таким образом образуется некая единая система взглядов, своего рода коллективная философия, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1, с. 350]. Термин «концепт», несмотря на его широкое использование, до сих пор не имеет единого определения, хотя изучением концептов продуктивно занимаются Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, А.П. Бабушкин, Р.М. Фрумкина, С.Е. Никитина и

др. Вслед за В.А. Масловой мы примем следующее определение концепта: «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определённой этнокультуры» [9, с. 50].

Д.С. Лихачёв отмечает, что «расшифровка» концепта зависит от ситуационного контекста, культурного опыта и культурной индивидуальности концептоносителя [5, с. 5].

Известно, что структурируют концепты единицы ментального языка фреймы, фрейм-структура данных для представления (визуальной) стереотипной ситуации [10, с. 7]; фрейм представляет собой «перечисление деталей, из которых складывается содержание дающего как бы кадр фильма» [9, с. 67]; сценарий – «последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [11] «описание процесса, действия, с его важнейшими этапами» [9, с. 67]. В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова в статье «Когнитивная модель» приводят три значения термина *когнитивная модель*, одно из которых – «модель понимания текста как результата естественной обработки языковых данных» [3] и добавляют: «тогда говорят о построении ментальных моделей текста (Джонсон-Лэрд), когнитивных моделей понимания или когнитивных моделей обработки текста, которые, в свою очередь, требуют построения когнитивных моделей отдельных ситуаций. Когнитивное моделирование, состоящее в построении когнитивных моделей речи, зрительного восприятия и т. д., выясняет как состав информационно самостоятельных модулей, так и механику их взаимодействия и «архитектуру» единой системы модулей» [3].

Основные когнитивные модели и сценарии концепта «память» у Владимира Максимова

Одна из ярко представленных в концептуальной системе Максимова традиционных когнитивных моделей, имеющая «сценарную» структуру – ПАМЯТЬ КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: *в то же мгновение память ус-*

лужливо напомнила ему о недавнем разговоре с экспертами-синологами... [8]; Я снова закрываю глаза, и, сквозь обволакивающую меня дрему, моя память принимается записывать его неторопливую, с глухотцой речь... [7]; С тех пор прошло пятьдесят лет, но память, равнодушно пропустив мимо себя всё последующее, сохранила в ней только то, чем она жила долгие эти годы [6]; Во сне к нему пробились отдалённый колокольный звон. ...Густой, протяжный звон заполнял его, вызывая в сонной памяти зыбкое чередование картин и видений давно минувшего... [6]. Анимизацию памяти Максимов создаёт, приписывая ей душевные свойства и состояния, а также способность совершать человеческие действия.

Вторая модель, также углубляющая уже существующее в языке представление о пространственных воплощениях памяти (ср. *держат в памяти, копаются в памяти*), – ПАМЯТЬ КАК НЕКОЕ ПРОСТРАНСТВО: Видение смазывается, линяет, растекаясь в самые отдалённые уголки памяти [7]; ...с самого дна памяти вдруг всплыла перед ним епифанская даль с жидкими перелесками в сизой дымке полевого рассвета, одуряющие запахи летней косыбы в Приамурье, острый запах дымящегося навоза на дворовом снегу... [6]. Память в данных примерах представлена в виде фрейма.

ПАМЯТЬ представлена и КАК НЕКИЙ ПРЕДМЕТ (также в виде фрейма): По росистой траве бежала девушка, ... и ситцевое платьице на ней плескалось и стекало к ногам цветастой памятью, — бежала так раскованно и легко, будто не касалась земли... [8].

Память, по Максиму, может быть земной и, по-видимому, обладаемой человеком после смерти: Последнее, что он отметил своей земной памятью, было распротёртое на синем снегу его собственное тело, вдруг ставшее для него чужим [6].

Концепт «душа»

Языковая модель ДУША КАК ЧЕЛОВЕК предполагает подстановочное значение души

(ср. *ни души = никого, ни одного человека*). В данных текстах она представлена в виде сценария: ...душа его, постепенно стяхивая хмель, начинала обретать сознание, а с ним и окружающий мир [8]. Максимов развивает эту модель, приписывает душе способность испытывать душевные и физические ощущения: очнулся я в палате, сплошь заставленной казарменными койками, на которых коротали время между оправками десятка три прихваченных дизентерийным поносом душ [7]; предчувствие некоей непоправимой беды впереди заставляло её душу время от времени обморочно замыкаться и падать [7]. По Максиму, душа может даже отделяться от тела ещё перед смертью: Душа жила уже сама по себе, воспринимая окружающее как бы сверху или со стороны [6]. Душа, как и человек, у Максимова имеет принадлежность к определённому народу: – Боже, царя храни, – плакала славянская душа горячими слезами... [7]. ДУША представлена также КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, которое может перейти в чувство: душа её опалённо взмывала, чтоб же свернуться в ней клубочком ледяного ужаса: пронеси, пронеси, пронеси! [6] (сценарий).

Концепт «слово»

В текстах встречается существующая в языке модель СЛОВО КАК ПРЕДМЕТ (ср. *за словом в карман не лезет*): Сквозь шелуху полых слов... сквозила такая исступленность в собственной правоте... [6] (фрейм). Максимов дополняет эту модель, наделяя слово округлой формой: Молва перекатывала из конца в конец города недавние слова Адмирала: «Бежать больше некуда, надо защищаться» [6] (сценарий), а также наделяя его возможностью изменять форму, становиться как бы более гладким, ровным: Весовщик, носатый грек в короткой кожанке, отпуская продукты, плутовато поигрывал торфяного оттенка глазами, раскатывал слова в пухлых губах: — Гоголев, Иван Семёныч, членов семьи четыре души... [8] (сценарий). СЛОВО также представлено КАК ВЕЩЕСТВО, которое находится в жидком состоянии: Фёдор,

постучавшись для порядка о косяк, вошёл и, едва открыв рот, захлебнулся начатым словом: у открытого шкафчика с медикаментами стояла женщина в белом халате и смотрела на него так, будто давно и уверенно ждала его прихода [8] (сценарий).

Лексико-семантическое поле слова также может быть выражено конституентами бред, скороговорка, мольба, которые предстают как самостоятельные, отдельные от человека существа, предметы или вещество и также имеют сценарный тип: *А тем временем в разговор за его спиной неожиданно вклинилась чья-то насмешливая скороговорка: — Дозвольте мне, Ваше высокопревосходительство...; Цепкие ладони его сомкнулись вокруг тёплой пульсирующей шеи, сдавливая хрипящую ему в лицо мольбу...; Обмороженное, в чёрных пятнах лицо его с каждым часом всё более заострялось, глаза проваливались, горячечный бред клубился вокруг его западающих губ (все примеры – [6]).*

Концепт «время»

В данных текстах представлена модель ВРЕМЯ КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: *По малым крупницам — обрывкам фраз, отдельным жестам, сбережённой памятью улыбке — она мысленно восстанавливала его облик, растворённый было в быстротекущем и транжиристом времени, чтобы снова вернуться туда, откуда тянулся к ней один-единственный голос; Вспомнить, понять, обернуться, увидеть истлевающее в муках прошлое и обратиться в соляной столп — это, наверное, выше сил человеческих. [6]. Одушевление происходит за счёт приписывания времени свойств человека. Прошлое также предстаёт в виде бабочки: *Зревший в моей душе кокон близкого озарения вдруг взрывается и на крыльях выпорхнувшей оттуда бабочки прошлого внезапно возникают витиеватые письма [7]. ВРЕМЯ предстает КАК МЕХАНИЗМ, который «вчеканивает» слова людей в историю: ...им казалось, что наконец-то наступил для них тот самый звёздный час, когда, будучи едва произнесённой, любая их фраза уже вчеканивается временем в неруководвор-**

ные письма истории. [6]. Все примеры данных моделей представлены в виде сценария.

Вслед за Карауловым мы будем понимать под прецедентными «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216].

В.В. Красных указывает, что прецедентная ситуация (ПС) – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу [цит. по 2, с. 37]. Д.Б. Гудков демонстрирует яркий пример ПС на предательстве Христа Иудой, которая понимается как «эталон» предательства вообще. Дифференциальные признаки указанной ПС (например, подлость человека, которому доверяют, донос, награда за предательство) становятся универсальными, а атрибуты ПС (например, *поцелуй Иуды, 30 серебряников*) фигурируют как символы ПС [2, с. 37-38]. Эта ПС используется и Максимовым: *Некоторое время он машинально перечитывал текст именного формуляра, и все события минувшей ночи вдруг сосредоточились для него в этом прямоугольнике мягкого картона: недолгое застолье, бдение у озера, плач Марии, отречение Петруни, арест. Пальцы его внезапно ослабли, бумажка выскользнула из рук, шлепнулась в дождевую стремнину у его ног, затем, медленно намокая, понеслась вдоль водостока и вскоре исчезла из вида. В этот день он в первый и последний раз в жизни напился до глухого бесчувствия [8]. Прообразом бригадира Ивана Хохлушкина, преданного Золотарёвым, является Иисус Христос. Работник НКВД Алимушкин говорит о нём: «мужик головастый, только мозги набекрень и язык длинный» [8], «разводит... демагогию насчёт всеобщей справедливости» [8], а его 12 единомышлен-*

ников называет «рыбаками по сухому» [8], что вызывает ассоциации с 12 апостолами. Описание смерти бригадира отсылает нас к казни Христа: «...мучали они его долго, с чувством...» [8], «такая страсть началась, что и рассказывать страшно. Казнить вели, всё одно не держал на них сердца...» [8], «...жалел их...» [8].

Эта ПС используется также в романе «Заглянуть в бездну», где с Христом ассоциируется главный герой – А.В. Колчак: *Его предали подло и унижительно, предали за кучку золота, предали люди, которым он безоглядно доверился. Что ж, мать городов славянских, златоглавая Прага, теперь ты пожинаешь плоды своего тогдашнего предательства. Пусть же помнят правители и народы, какой ценой расплачиваются потомки за их легкомысленный флирт с дьяволом!* [6]

Письма Ивана и Матвея Загладиных стилем соотносятся с посланиями апостолов: «Здравствуйте, любезный брат мой Матвей! Во первых строках своего письма радуюсь сообщить, что вашими молитвами, слава Богу, живу хорошо, чего и вам желаю. Душевно уповаю, что доехали вы до места в добром здравии и спокойствии... Жизнь моя катится со дня на день в трудах и молитвах, конец срока скоро, только пусть ли, всё в руках Вседержителя нашего, оставят, значит, воля Его нести мне крест этот дальше, как нёс его досе, но в кресте моём есть, однако, радость душевная способствовать ближним страждущим в узилище, чего по мере возможности делаю каждодневно... Наше дело, брат, пастьерское, поспособствовать только, недаром в Писании сказано: «Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас»... Остаюсь всегда ваш, меньшей брат Иван, Христос с вами» [8]. ПС является то, что вместе с Иваном Хохлушкиным были арестованы два разбойника, один из них говорит второму: *Нам с тобой хоть есть чего вспомнить, пожили в своё полное удовольствие, а эти-то телята за какой хрен туда же?* [8]

Караулов пишет о роли ПТ для языковой личности: «Как показывает проделанный

опыт, прецедентные для данной языковой личности тексты сплетаются в довольно плотную сеть, «пропустив» через которую её дискурс (т. е. некоторый, достаточно представительный массив порождённых самой ею текстов) мы получаем «в остатке» те проблемы, которые данная личность считает жизненно важными, самыми главными для себя как представителя человечества и над разрешением которых она бьётся; мы получаем набор черт её индивидуального характера, отражённый с помощью тех же прецедентных текстов; мы получаем, наконец, систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих её позицию и образ действий» [4, с. 235].

Итак, можно сделать следующий вывод: ПАМЯТЬ концептуализирована в данных текстах КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, НЕКОЕ ПРОСТРАНСТВО, НЕКИЙ ПРЕДМЕТ; ДУША представлена КАК ЧЕЛОВЕК и вообще КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; СЛОВО предстает КАК ПРЕДМЕТ и КАК ВЕЩЕСТВО; ВРЕМЯ существует КАК ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и КАК МЕХАНИЗМ. Когнитивные модели имеют преимущественно сценарную структуру. Библейский прецедентный текст и прецедентные ситуации В. Максимов использует для осмысления советской эпохи, для выражения своего отношения к происходящему.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: Монография. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, – 2009. – 401 с.
3. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель [Электронный ресурс] // Когнитивные аспекты лексикографии [сайт]. URL: <http://www.infoplex.ru/COGMODEL.HTM> (дата обращения: 20.12.2012).

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-ое, стереотипное. – М. КомКнига, 2006. – 264 с.
5. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН: Сер. Лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – №1. – С. 3-10.
6. Максимов В.Е. Звезда адмирала Колчака (Заглянуть в бездну). – М. : Алгоритм, Эксмо, 2008. – 320 с.
7. Максимов В.Е. Собр. соч. В 8 т. Т. 3: Карантин. – М.: Терра, 1991. – 368 с.
8. Максимов В.Е. Собр. соч. В 8 т. Т. 6: Ковчег для незваных. – М.: Терра, 1992. – 285 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Типы концептов [Электронный ресурс] // Библиотека Zink.ru [сайт]. URL: <http://zink.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/typy-konceptov/2/> (дата обращения: 20.12.2012).
12. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И., Телия В.И., Уфимцева А.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

УДК 81'367.7

Сенина И.С.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

**КЛАССИФИКАТОРЫ И РОДОВЫЕ СЛОВА:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

I. Senina

Lomonosov Moscow State University

**CLASSIFIERS AND NOUNS OF GENRE SEMANTICS
IN THE FUNCTIONAL ASPECT**

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию особенностей функционирования классификаторов и родовых слов – двух разрядов строевых единиц, выражающих таксономические отношения в составе дескрипций и предикатов таксономической характеристики. Несмотря на определённое сходство в позициях, классификаторы и родовые слова необходимо различать: классификаторы представлены признаковыми и событийными, а также отдельными предметными именами, выполняющими предикатные функции, а родовые слова – более конкретными предметными именами, выполняющими преимущественно идентифицирующие функции.

Ключевые слова: строевые слова, идентифицирующая и предикатная функции, классификаторы, родовые слова.

Abstract. This article is devoted to the functioning of classifiers and nouns of genre semantics. These words are structural elements that designate subsumption relation and function as syntactic words in the positions of descriptions and predicates of taxonomic characterization. Though classifiers and nouns of genre semantics are similar in their positions it is necessary to distinguish them: classifiers are presented by nouns of characteristics, nouns of actions and also by certain object nouns that function as predicates, whereas nouns of genre semantics are represented by concrete object nouns that function more as identifying elements.

Key words: structural words, identifying function and function of predicate, classifiers, nouns of genre semantics.

В функционально-коммуникативном синтаксисе особое внимание уделяется проблеме строевых слов (термин Л.В. Щербы [5, с. 328 - 329]) – знаменательных слов, в определённых позициях в предложении выполняющих служебные, строевые функции – реляторов, экспликаторов, классификаторов и родовых слов [1, с. 39-47; 2]. Последние два разряда – классификаторы и родовые слова – остаются наименее изученными, хотя составляют значимое явление современного русского языка. Специфику и место данного языкового явления в системе ещё предстоит выявить, при этом продуктивно рассматривать эти два разряда вместе, так как они обнаруживают сходство в синтаксическом поведении и семантике. Стоит задача дифференцировать классификаторы и родовые слова, так как есть основания для разделения этих разрядов, как лексические, так и грамматические. Выполнение этой задачи позволит лучше разобраться в природе такого языкового явления, как строевые слова в целом. Классификаторы в этом сравнении предстают «типичными» «представителями» строевых слов, в то время как родовые слова – единицами, располагающимися на периферии.

Классификаторы как один из разрядов строевых слов

Классификаторы – строевые имена, выражающие таксономические отношения в различных словосочетаниях и предикативных конструкциях: в *количестве* пяти, *процесс* окисления, *круглой формы*; *Гнев* – *чувство* опасное. Классификаторы выражают таксономические отношения между участниками описанной в высказывании ситуации и окружающим их миром реалий, формируя дескрипции и предикаты таксономической характеристики. Разряд составляют признаковые существительные: *количество*, *категория*, *ощущение*, *порода*, *признак*, *место*, *способ*, *принцип*, *свойство*, *форма*, *характер*, *характеристика*, *чувство*, *режим*, *сущность*, *фактор*, *вопрос*, *идея*, *мысль*, *понятие*, *феномен*, *продукт*, *вещество*, *материал*, *пространство*, *персона*, – а также некоторые событийные имена: *акт*, *акция*, *дело*, *действие*, *история*, *операция*, *процедура*, *процесс*, *ситуация*, *случай*, *событие*, *явление*. Основным критерием для выделения классификаторов является их функционирование. Классификаторы трансформируют денотативную структуру предложения в соответствии с задачами говорящего, формируя семантическую структуру предложения [1, с. 200], ср.: *Переговоры были чрезмерно продолжительными* → *Процесс* переговоров был чрезмерно продолжительным → *Переговоры были чрезмерно продолжительным процессом* → *Продолжительность процесса* переговоров была чрезмерной. В подобных конструкциях классификаторы часто оказываются факультативными в большей или меньшей степени в зависимости от контекста и конкретного классификатора: *процесс* переговоров – *переговоры*; *Экономика* – *гибкая структура* (НКРЯ¹) – *Экономика* *гибкая*.

Для большей части классификаторов типичными являются следующие позиции:

1. Дескрипции разных типов (словосочетания, в которых один из компонентов

¹ Здесь далее НКРЯ – Национальный корпус русского языка (см. [7] в списке источников).

семантически ослаблен, а другой несёт основную смысловую нагрузку [3, с. 73–74; 2]): *явление* снижения, *действие* по захвату, *особым способом*, *понятие* онтология, в *количестве* сорока.

2. Позиция предиката таксономической характеристики² в предложении – предиката в биноминативных предложениях, состоящих из сочетания классификатора и признакового элемента (прилагательного, предложно-падежной формы), часто с инвертированным порядком слов (классификатор + прилагательное), а также полупредиката таксономической характеристики: *Уникальный имитационный талант* – *признак* врождённый (НКРЯ); *В княжение Всеволода* был завоёван *крестоносцами* *Царьград*: *происшествие* важное и горестное для тогдашних россиян, *тесно связанных с греками* по *Вере* и *торговле!* (НКРЯ)

Есть также ряд предметных классификаторов – имён, обозначающих реалии, воспринимаемые визуально (людей, животных, растения, вещи). В одном из своих лексико-семантических вариантов (ЛСВ) эти имена могут быть отнесены по типу значения к классификаторам (см. ниже слова *лицо*, *душа*, *фигура*, *господин* и т. д.). По особенностям функционирования эти предметные имена близки родовым словам, что и составляет главную сложность при функциональном разделении классификаторов и родовых слов.

Родовые слова как разряд строевых слов

Родовые слова – это специфические строевые слова, выступающие в составе словосочетаний как таксономические характеристики: *птица* соловей; *такое животное*, как *жираф*; *попугай* Кеши, – а также способные выступать в составе предикатов таксономической характеристики, подобно классификаторам: *Петя* – *мальчик* умный; «*Куранты*» – *газета* особая. Родовые слова, как и классификаторы, выражают в определённых выше позициях таксономические отношения между участниками описанной в выска-

² Термин взят из работы [4].

звании ситуации и окружающим их миром реалий. Но, в отличие от классификаторов, они выражают таксономические отношения не между понятиями, а между предметами в широком смысле слова, т. е. между классами вещей, растений, животных и людей. Это существительные широкой семантики, обозначающие поло-возрастную характеристику лица или родо-видовую, а также функциональную характеристику предмета, по лексико-грамматической классификации это предметные существительные. Круг родовых слов, выступающих в строевой функции, достаточно широк: родовые слова антропонимов – человек, девочка, девушка, женщина, ребёнок, мальчик, молодой человек, мужчина, старик, старушка и их стилистические варианты (баба, девица, девчонка, дитя, мальчишка, мальчонка, мужик, парень, старичок, старуха, тётка, юноша); родовые слова зоонимов – животное, зверь, кот, птица, насекомое, рыба, собака, хищник и др.; родовые слова неодушевлённых предметов – город, царство, машина, товар, растение, дерево, планета, река, гора и т. д.

Родовые слова, как и классификаторы, способны трансформировать структуру предложения, ср.: *Слон поразительно большой* → *Такое животное, как слон, поражает своим большим размером*; *Соловей сладко поёт* → *Птица соловей сладко поёт*; *Соловей – птица, сладко поющая...* Основные позиции для родовых слов как разряда строевых единиц следующие:

1. Позиция таксономического предиката: *Ольга – девушка красивая* ← *Ольга красива*; *Я был не в меру разгулявшийся молодой человек...* (НКРЯ) ← *Я не в меру разгулялся*; *Животное / бык / здоровое* ↔ *Бык – животное здоровое* ← *Бык здоров*. Ср. выше предикаты с классификаторами. Родовые слова оказываются факультативными в большинстве случаев, как и классификаторы, но это происходит не за счёт десемантизации, а за счёт дублирования их денотата видовым именем или именем собственным.

2. Позиция приложения при имени собственном или видовом обозначении: *Город*

Москва является столицей России ← *Москва – столица России*; *Я водил её повсюду и говорю: это дерево слива, это дерево ясень, это зверь крокодил, это зверь бык, это зверь серна, это тело Луна* (НКРЯ) ← *это слива, это ясень, это крокодил, это бык, это серна, это Луна*; факультативность объясняется, как и в предыдущем случае, дублированием денотативной информации видовым обозначением; ср. дескрипции с классификаторами: *чувство долга, процесс окисления, феномен акме*.

3. Позиция в репрезентативной конструкции *такой...*, как: *Но течение было такое, что поток мог запросто унести в реку такого мальчика, как он* (НКРЯ) ← *Поток мог запросто унести в реку такого, как он*; ср. более десемантизированные в подобной конструкции классификаторы: *...не прошёл бы мимо такой затеи, как референдум по новой чеченской конституции* (НКРЯ) – *Не прошёл бы мимо такого, как референдум по новой чеченской конституции*.

Итак, при семантической и функциональной близости родовых слов к классификаторам, они не составляют с последними одного разряда строевых элементов. У каждого из разрядов есть свой центр, в котором находятся прототипические классификаторы и родовые слова: ср., *явление, признак, событие – женщина, мальчик, птица, город...* Но есть единицы на периферии разрядов – они образуют зону пересечения. Их сложно однозначно отнести в той или иной группе, для их сравнительной характеристики могут быть применены различные критерии.

Зона пересечения – предметные классификаторы и родовые слова

Предметные классификаторы составляют периферию категории классификаторов, их немного, и позиции их специфичны. Поэтому при необходимости описания визуально воспринимаемых предметов с использованием дескрипций и предикатов таксономической характеристики употребляются признаковые и событийные имена:

явление, феномен, объект, изделие, механизм, вещество, средство, материал, продукт, пространство, направление, предел, территория, например: Певец Томас Квастхоф – **явление** уникальное (НКРЯ); **Описательный** и **объяснительный** подходы к **феномену** акме (НКРЯ); **Содержание фосфатов в воде может быть отражением присутствия в водном объекте примесей...** (НКРЯ); **Также <...> влияние оказывают существующие на территории** области национальные диаспоры (НКРЯ). Употребляются для классификации антропонимов признаковые слова и в переносном значении (часто приобретая стилистические и эмоционально-экспрессивные оттенки): *тип, характер, натура, персона*, например: *Заболоцкий – **характер** баховский* (НКРЯ); *И к тому же Алик – **деятельная натура!*** (НКРЯ); *Сэр Джаме – **видная персона** в Кенте...* (Эдгар Уоллес). Надо отметить, что в целом при таксономической характеристике предметных имён, особенно антропонимов, используются часто полисемичные слова, приобретающие переносные значения.

Несмотря на преобладание признаковых и событийных классификаторов, есть предметные имена, которые регулярно выполняют функции классификаторов:

1) существительные *лицо, душа, фигура*, обозначающие в прямом значении аспекты характеристики человека, приобретают в процессе метонимии предикатное значение при антропониме: *Я **лицо** приближённое* (НКРЯ); *Люся, **наивная душа**, поверила* (НКРЯ); *Губернатор – **ключевая фигура** на парламентских выборах* (НКРЯ);

2) существительные с реляционным типом значения *господин, дама, гражданин*, которые теряют специфику своей семантики и могут употребляться как классификаторы в структурах с предикатами таксономической характеристики или в дескрипциях с синтаксемой N_{II} при условии ограничений в сочетаемости и частого приобретения эмоционально-экспрессивного оттенка пренебрежения или снисхождения: *...её **брат** – **тучный господин** с **жирным баском*** (НКРЯ); *Люсина*

*мать, **томная дама** в **черепаховом пенсне...*** (НКРЯ); *...**сидит** за **письменным столом** <...> **угловатый гражданин** с **будничными глазами** и **завораживающей грамотностью речи*** (НКРЯ). Другое существительное с реляционным типом значения – *сторона*. В переносном значении ‘человек, группа лиц’ оно не приобретает дополнительных оттенков, но позиционно ограничено сочетаниями с предлогами: *со **стороны** структур государства; в **сторону** выхода; на **сторону** парламента;*

3) деадъективы *особа, малый*, при характеристике антропонимов приобретающие дополнительные эмоционально-экспрессивные оттенки: *Старшиной <...> **состояла** некая миссис Фэрли, **тощая малорослая особа...*** (Дж. Фаулз); *У меня **секундантом** был **один гвардеец**, **премилый малый** и **прелихой рубака*** (НКРЯ);

4) предметные существительные с широким значением *место, расстояние* также выступают в некоторых позициях, характерных для строевых единиц, но функционирование их ограничено: *...Клондайк – **место несуетное...*** (НКРЯ); *...**наблюдательные пункты** располагались на **расстоянии** сотен, а то и тысяч километров друг от друга* (НКРЯ).

Предметные классификаторы значительно отличаются от признаковых и событийных классификаторов по функционированию: они не образуют дескрипции, выступают преимущественно в позиции предикатов и полупредикатов таксономической характеристики, причём наблюдаются те же семантические закономерности, что и в случае с родовыми словами в этой позиции. Потому они ближе к родовым словам, чем признаковые и событийные классификаторы. Но они не образуют сочетаний с именами собственными и видовыми обозначениями, в отличие от прототипических родовых слов, они менее частотны, и для многих слов из этой группы строевая функция вторична. К тому же они не образуют родо-видовой иерархии, не соотносятся с таксономическими системами, как часть родовых слов.

Родовые слова также неоднородны. Есть в этой группе слова, которые тяготеют по типу семантики к классификаторам, например, *человек, животное, зверь, растение, водоём, машина, товар, инструмент*. По степени обобщённости денотата и определённости сигнификата они значительно отличаются от имён типа *женщина, кошка, птица, роза, река, электропила...* Слова из первой группы стоят на более высокой ступени иерархии, потому можно предположить и различия в их синтаксическом поведении. В частности, они так же, как предметные классификаторы, в отличие от основного массива родовых слов, не выступают в качестве приложения в сочетаниях с именами собственными и видовыми обозначениями, преобладают в позиции предикатов таксономической характеристики: *Трошев – человек активный...* (НКРЯ); *Гуси – животные умные* (НКРЯ); *Мотоблок «Агрос» – машина мощная...* (НКРЯ). Поэтому для них один из основных критериев позиционного разграничения классификаторов и родовых слов – особенности сочетаемости с именами собственными [2, с. 18-19] – не действует. Для чёткого отделения их от группы предметных классификаторов необходимы иные критерии.

Ещё сложнее решить вопрос с именами *существо* и *создание* в значении 'живая особь'. Эти слова предполагают ещё более высокую степень обобщения денотата, чем *человек* и *животное*. Они также встречаются преимущественно в позиции предиката таксономической характеристики: *...скушающий читатель – это всего-навсего поразительно ленивое, несобранное и вялое существо...* (Герберт Уэллс); *...человек непреодолимо эгоистичное, агрессивное создание* (НКРЯ). Это девербативы, при характеристике антропонимов приобретают дополнительные эмоционально-стилистические оттенки значения, подобно деадъективам *особа* и *мальчик*: *Сама соседка была <...> притеснительное и сварливое существо...* (НКРЯ); *Этот мальчик был какое-то странное создание* (НКРЯ). Но однозначно отнести эти слова к предметным

классификаторам не получается, так как они являются основными таксономическими характеристизаторами некоторых антропоморфных образов: Бога, дьявола, антихриста и т. д., то есть не отвечают критерию вторичности и малой частотности, тяготеют к ядру поля предикатов духовной сферы [1, с. 139], ср.: *Бог есть некоторое существо пресовершенное, и превеликое и преславное...* (НКРЯ). И если при характеристике антропонима имена *существо* и *создание* можно отнести к собственно классификаторам (подобно именам *особа, мальчик, дама, господин...*), то во множестве других примеров необходимы дополнительные критерии различения.

Таким образом, описанные выше группы единиц требуют дополнительных критериев для различения классификаторов и родовых слов, так как в позициях, характерных для строевых слов, эти разряды пересекаются. Возможные подходы к разрешению этой проблемы можно попытаться найти в области различения идентифицирующих и предикатных слов.

Идентифицирующие и предикатные имена

Разделение классификаторов и родовых слов на основе соотнесения этих разрядов с группами идентифицирующих и предикатных слов на данный момент представляется наиболее эффективным [2, с. 18-19].

Для классификаторов идентифицирующая функция в целом не свойственна, за исключением отвлечённых высказываний об абстрактных категориях (*Временную ось образует ряд событий*), терминологического употребления (*...тела не состоят из свойств...* (Л.О. Чернейко)) и особых текстообразующих позиций (например, в интродуктивной номинации, чаще с неопределённым местоимением: *У нас в селе был один случай*). Напротив, те широкозначные слова, которые составляют разряд родовых слов, встречаются в первую очередь в позициях идентификации: *Он шёл под руку с девушкой; Город горел в электрическом свете*. Предикатная функция для них вторична, свойственна в позиции таксономического

предиката и для ряда таксономических классов в сочетаниях с индивидуальными именами (см. выше).

Для более чёткого разделения слов из зоны пересечения можно применить в качестве критерия регулярное и самостоятельное выполнение именами идентифицирующих функций в тексте: ...*в проход выбежал человек, метнулся к авансцене и швырнул в него предмет...* (НКРЯ), ср.: *в проход выбежало существо / явление / выбежало лицо...*; *Наблюдение за животными вели в течение 3-5 сут. до и 2 сут. после заражения* (НКРЯ), ср.: *наблюдение за существами / созданиями / феноменами...*; ...*появился вооружённый человек и поволок женщину с детьми за собой* (НКРЯ), ср.: *поволок существо / даму*; предметные классификаторы антропонимов в идентифицирующих контекстах возможны только в составе словосочетания, ср.: *показалась скрюченная фигура / юная особа / веселый малый...* Похожую ситуацию можно наблюдать и по отношению к неодушевленным предметам: ...*звери по берегу перебираются в безопасное место, <...> пересекают реку* (НКРЯ), ср.: *пересекают объект* (возможно в профессиональной речи) / *пространство / место*; *Парень услышал, что в машину подсел кто-то ещё* (НКРЯ), ср.: *в средство / в устройство...*

Другим критерием является роль родовых слов в словосочетаниях, отличающаяся от подобной у классификаторов. Родовые слова образуют на основе подчинительной связи свободные словосочетания полнозначных единиц: *умный человек, дикое животное, девочка соседки...* Свободные словосочетания, согласно операционным критериям определения подчинительной связи, могут свёртываться до главного: *умный человек* → *человек*, *дикое животное* → *животное*, *девочка соседки* → *девочка*. Признаком же слова, образующие дескрипции, не могут употребляться самостоятельно, потому сочетания с ними не отвечают критерию свертываемости до формально главного; ср.: *уникальное явление* ↔ *явление, феномен*

страха ↔ *феномен, водный объект* ↔ *объект, по направлению к озеру* ↔ *по направлению*; *на расстоянии сотен километров* ↔ *на расстоянии...*

Эти критерии достаточно однозначно разделяют предметные классификаторы и родовые слова. Имена *человек, животное, растение*, а также *машина, товар* относятся к родовым словам по этим критериям, несмотря на высокую степень абстрактности, так как являются идентифицирующими.

Неоднозначной остаётся атрибуция имён *существо, создание*. Употребление их в идентифицирующей функции при обозначении человека и животного невозможно (см. примеры выше), и в словосочетаниях они тяготеют к употреблению с конкретизатором-определением, подобно признаковым (*живое существо, жалкое существо; прелестное создание, милое создание*). Но при обозначении неантропоморфных существ эти слова могут употребляться и самостоятельно в высказываниях с конкретной референцией: *Кусты зашевелились, и существо посмотрело в их сторону* (А. Шундеев); *Сделав ещё несколько шагов к жертве, создание остановилось* (Р. Кнаак).

Некоторые выводы

Классификаторы и родовые слова представляют собой два разных разряда строевых слов, отличающихся друг от друга по позициям, в которых они функционируют, по семантике и по месту в лексической системе языка. Типичные классификаторы представлены признаковыми и событийными именами. Они обладают функциональным потенциалом предикатных слов. На периферии поля классификаторов находятся некоторые предметные имена, которые также выполняют строевые функции при употреблении в переносных значениях или при приобретении эмоционально-оценочных коннотаций.

Родовые слова, напротив, представлены предметными именами. Состав родовых слов так же неоднороден, как и состав классификаторов, часть единиц находится в зоне пересечения с предметными классификато-

рами, но остаётся в поле родовых слов, так как выполняет регулярно идентифицирующие функции (*человек, животное, растение*).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Литература:

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
2. Всеволодова М.В. Словосочетание в новой парадигме грамматики // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2012. – № 1. – С. 7-40.
3. Всеволодова М.В., Куликова Е.В. Грамматика словосочетаний в контексте функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2009. – № 4. – С. 67-88.
4. Крейдлин Г.Е. Таксономия и аксиология в языке и тексте (предложения таксономической харак-

теризации) // Логический анализ языка. Ментальные действия / Ин-т языкознания РАН; под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1993. – С. 30-40.

5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 3-е изд. – М.: URSS, 2007. – 432 с.

Источники:

6. Кнаак Р. Источник вечности [Электронный ресурс]. – URL: http://www.loveread.ec/read_book.php?id=7319&p=10 (дата обращения: 05.12.12).
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>
8. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.
9. Шундеев А. Выживает сильнейший [Электронный ресурс]. – URL: http://stalker-gsc.ru/publ/vyzhivaet_silnejshij/2-1-0-2024 (дата обращения: 05.12.12).

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1.09 «19»

В.Н. Аношкина-Касаткина

Московский государственный областной университет

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЗМ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА И Ф.И. ТЮТЧЕВА *

V. Anoshkina-Kasatkina

Moscow State Regional University

ROMANTIC PSYCHOLOGISM OF M. LERMONTOV AND F. TYUTCHEV

Аннотация: В статье утверждается: оба поэта, Тютчев и Лермонтов, являясь современниками в 1820-1830 годах, в своём кругу имели целый ряд общих близких знакомых, оба выражали интерес к важным проблемам мировой истории и выдающимся личностям (Наполеону, Байрону, кризисным явлениям в европейской культуре). Яркая творческая индивидуальность и глубокая художественная самостоятельность не мешают обнаружению типологического сближения этих поэтов в области романтического психологизма – в понимании сложности душевно-духовного мира человека, что получило отражение в жанрово-стилевых образованиях их лирики: думах, исповедях, молитвах, снах, любовных признаниях и разуверениях.

Ключевые слова: дума, исповедь, мировая история, молитва, психологизм, творческая индивидуальность

Abstract. The article affirms: both poets, Tyutchev and Lermontov, being contemporaries in 1820-1830, had some of the general close acquaintances in the circle, both expressed interest to important problems of world history and outstanding persons (to Napoleon, Byron, the crisis phenomena in the European culture). Bright creative identity and deep art independence don't prevent from detection of typological relations of these poets in the field of romantic psychologism – in understanding of complexity of a sincere inner world of the person that received reflection in genre and style formations of their lyrics: ballads, confessions, prayers, dreams, love recognitions and disbelief.

Key words: ballad, confession, world history, prayer, psychologism, creative identity.

Тютчев Фёдор Иванович (1803—1873) и Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-1841) относятся в годы своего творческого становления к одному историческому периоду жизни России — Александровскому, времени расцвета национального самосознания, активных философских поисков, закреплённых и развитых в общественных умонастроениях затем в 1830-х годах. Именно в это десятилетие осуществляется тютчевско-лермонтовское многими замеченное вхождение в русскую литературную жизнь: 24 стихотворения Тютчева («Ф. Т.») были напечатаны в пушкинском «Современнике» 1836 года; Лермонтов же, полный поэтического вдохно-

© В.Н. Аношкина-Касаткина, 2013.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-34-10216

вения начинал печататься, а в 1837 году приобрёл славу, тоже связанную с Пушкиным, его трагической кончиной. Стремительность и страстность реакции на неё поэтов – Лермонтова «Смерть поэта» и Тютчева «На смерть Пушкина» (ныне печатается под названием «29-ое января 1837») – объективно обозначили преемственную связь обоих с творческим наследием старшего русского гения. Лермонтов в стихах более гневно темпераментен и требователен возмездия, но Тютчев не менее силён в общей пронизательной оценке Пушкина: «Тебя ж как первую любовь, / России сердце не забудет!..» [9, т. I, с. 175], а осуждение Дантеса тоже смело и сильно, как и у младшего современника: «Навек он вышею рукою / В “цареубийцы” заклеимён» [9; I, 175]. Однако у названных поэтов значительнее, чем у их знаменитого предшественника, выражены философские искания в понимании человека, его духовно-душевного мира и места в космическом бытии [2, с. 66-67]. Европейская образованность и патриотическая приверженность русским патриархальным традициям сближали обоих и на раннем этапе их становления, и в дальнейшие годы. Чтение сочинений М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, а из западноевропейских — И.В.Е. Гёте, Ф. Шиллера, Д.Г. Байрона, Г. Гейне совпадают, хотя для Лермонтова английский романтик занял совершенно особое место (как его дальний предок и в чём-то эталон социально-этических норм), а для Тютчева ясна была и индивидуалистически-романтическая ограниченность английского гения. Иногда даже совпадал выбор стихотворений для перевода: байроновское «Lines written in the album at Malta» перевели: Тютчев «В альбом друзьям» (1827) и Лермонтов «В альбом» (1836); гейневское стихотворение «Ein Fichtenbaum steht einsam...» – у Тютчева «С чужой стороны» (не ранее 1823), у Лермонтова «На севере диком...» (1841); затрудняются в определении, чей перевод лучше.

У Тютчева и Лермонтова оказался общий домашний учитель С.Е. Раич, который

с 1813 до 1819 гг. жил в доме Тютчевых, а с 1827 по 1829 гг. учил Лермонтова. Раич весьма одобрял творческие дарования обоих своих учеников и влиял на формирование их интереса к античности. Вторым общим и влиятельным для того и другого учителем был А.Ф. Мерзляков, с которым Тютчев был связан как начинающий поэт в период с 1816 г. по 1821 г., а Лермонтов с 1828 г. по 1829 г. Тютчев и Лермонтов, оба обучавшиеся в Московском университете, хотя и в разное время, слушали лекции не только Мерзлякова, но и М.Т. Каченовского, учились по работам И.И. Давыдова. М.П. Погодин, лекции которого слушал Лермонтов и который был университетским другом В.З. Зиновьева, учителя Лермонтова, известен как приятель по университету и Тютчева, все они: Тютчев, Погодин и Зиновьев – учились на словесном отделении Московского университета в одно время. М.А. Максимович, друг Тютчева, — учитель Лермонтова.

И.С. Гагарин – восторженный почитатель поэзии Тютчева и его мюнхенский друг в середине 30-х годов – к концу этого десятилетия становится членом «кружка шестнадцати», в котором был и Лермонтов. Е.П. Сушкова (Ростопчина) — приятельница Лермонтова, как и Е.А. Сушкова — племянница Н.В. Сушкова, зятя Тютчева; с Е.П. Ростопчиной Тютчев был лично знаком и посвятил ей стихотворение. Карамзины, П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, С.П. Шевырев, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, Н.Ф. Павлов и др. – люди, с которыми общались оба поэта, хотя и в разное время [2].

Тютчев и Лермонтов были связаны с журналами «Галатея» и «Атеней», в которых печатался Тютчев и которые читал Лермонтов. С поэзией Тютчева Лермонтов мог познакомиться через Раича, Гагарина.

В начале 40-х годов Лермонтов и Тютчев соприкоснулись с одним и тем же кругом русских литераторов. Лермонтов, находясь в это время в Москве, часто встречался с Ю.Ф. Самариним, познакомился с А.С. Хомяковым, несколько вечеров провёл у Н.Ф. Павлова,

подружился ещё в 1839 г. с П.А. Вяземским, встречался с А.Я. Чаадаевым, М.П. Погодиным. Тютчев побывал в Москве в 1843 г., а после окончательного возвращения в Россию в 1844 г. он столкнулся с этими же людьми, от которых должен был услышать о своём гениальном современнике, незадолго до того трагически погибшем [1]. Тютчев не мог не познакомиться с творчеством поэта по журнальным публикациям его произведений.

Значительная общность культурной среды поэтов, в целом общественная атмосфера 30-х годов, воздействующая на Лермонтова и Тютчева, привели к некоторым общим тенденциям в их творчестве, некоторым близким темам и образам, особенностям стиля [См.: 2, 3, 5, 7, 8, 10]. Оба поэта представляют собой вершинные явления русской и западноевропейской культуры, оба в 20-30-х годах воплотили в своей поэзии принципы романтизма и подняли русский романтизм на большую художественную высоту.

Первоначально, видимо, с влиянием Раича связано возникновение интереса у поэтов к древнему Риму. В то же время общественно-политическая обстановка 30-х годов в России и в Западной Европе побуждала обращаться к истории императорского Рима для обнаружения каких-либо общих закономерностей в мировой истории, что занимало как Тютчева, так и Лермонтова. Рисуя зловещие картины деградации общественных нравов в древнем Риме, поэты видели в них мрачные предзнаменования, касающиеся всего европейского привилегированного мира (см. «Умиравший гладиатор», «Это случилось в последние годы могучего Рима» Лермонтова, «Цицерон», «Кончен пир, умолкли хоры», «Рим ночью» и др. Тютчева).

Поэтические образы Наполеона у Лермонтова («Где бьёт волна о брег высокий», «Наполеон», «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Воздушный корабль», «Последнее новоселье») и Тютчева («Могила Наполеона», «Наполеон», «Неман») несут в себе сходную оценку выдающейся личности. Оба они через образ тени Наполеона, неудовлетво-

ренной, мятущейся (у Лермонтова) и беспокойной, ожидающей чего-то, но бессильной (у Тютчева), выразили мысль об ограниченных возможностях даже сильной личности, о торжестве объективного хода жизни над субъективной волей человека.

Социально-психологическое наполнение символических образов «ночи», «звезды», «ночной дороги» в поэзии Лермонтова «Светись, светись, далёкая звезда», «Вверху одна...», «Выхожу один я на дорогу...» и др. и Тютчева («Наш век», «Кончен пир, умолкли хоры», «Брат, столько лет сопутствовавший мне...», «Два голоса») несут в себе общие черты, выражая чувства человека, духовно угнетённого и стремящегося к чистым, «звёздным» идеалам.

Космизм мышления Лермонтова и Тютчева, образы мироздания в их поэзии, идеи глубокой противоречивости бытия, восприятие божественной красоты роднят этих поэтов, хотя получают глубоко своеобразное выражение в творчестве каждого из них. Если Тютчев, в особенности в 30-х годах, больше склонен к умозрительности, созерцательности, к натурфилософской проблематике, то поэзия Лермонтова проникнута острой социальностью, мятежом против косности, бездуховности верхних слоёв общества «нашего поколения».

Больше всего поэтическое родство Тютчева и Лермонтова обнаруживается в решении проблемы личности в их лирике. В творчестве поэтов шёл активный процесс совершенствования принципов романтического психологизма. Они акцентировали внимание на сложных противоречиях внутреннего мира человека, романтическими средствами показывая в лирике диалектическую двойственность человеческой психики.

Философский романтизм представлял цель искусства в познании универсума, получающего наиболее глубокое выражение в человеке. У романтиков речь идёт не о «другом» человеке, существование которого нужно было логически, философски доказывать, а о бесспорной данности – о самом себе, о

собственном «я». Познание мира через самого себя – вот исходный принцип психологического анализа в романтизме Лермонтова и Тютчева. Если мир можно познать через себя, нужно опуститься в глубины собственной души. «Лишь жить в себе самом умей...» [9, т. I, с. 123] – провозглашал Тютчев, а Лермонтов признался: «Я сам собою жил доныне...» [4, т. VI, с. 305].

Лирический самоанализ имеет следствием «одноголосие» романтической лирики. В их лирике преобладает звучание собственного голоса. Всё же «одноголосие» романтической «поэзии» Лермонтова и Тютчева весьма относительно. Их лирика обладает по меньшей мере «двухголосием».

Романтики, познавая суть человеческого «я», опускаясь в «тайник души», как выражался Лермонтов, или в «глубины души», по определению Тютчева, обнаруживают двойственность, противоречивость стремлений, желаний, эмоций человека. Эта двойственность отнюдь не обязательно выступает как столкновение добра и зла, оптимизма и скептицизма. Оба поэта, Лермонтов и Тютчев, в основном в своей лирике раскрыли противоречия в нравственных движениях личности, в её нравственном ядре. Процесс жизни активизирует в человеке то одно, то противоположное внутреннее стремление. Два внутренних голоса, звучащих в сердце человека – это самоутверждение и самоотрицание, признание самоценности личности и признание внеличностных ценностей, индивидуализм и космизм или альтруизм. Лермонтов отмечал в письмах: «Назвать вам всех, у кого я бываю? У самого себя: я приехал, я посещал – и признаюсь, довольно часто – родственников, с которыми я должен был познакомиться, но в конце концов, я убедился, что мой лучший родственник – я сам...» [4, т. VI, с. 703]. Так пишет он в 1832 г., а в 1835 г. отмечает другое: «Говорить вам о себе? Право, я так пресыщен своей собственной персоной, что, когда я ловлю себя на том, что восхищаюсь своей мыслью, я стараюсь припомнить, откуда я её вычитал. И в результате я дошел до того, что

перестал читать, чтобы не мыслить... Я бываю теперь в свете...» [4, т. VI, с. 717].

Подобное есть и у Тютчева: «Лишь жить в себе самом умей...» – провозглашает он. Но призывает и к противоположному – к побегу от себя: «Жизнь, которую я здесь веду, очень утомительная своей беспорядочностью. Её единственная цель – это избежать во что бы то ни стало, в течение восемнадцати часов из двадцати четырёх, всякой серьёзной встречи с самим собой...»

Считая, что глубинное в человеке, а вместе и сокровенные противоречия души не раскрываются в обыденной повседневности, поэты сосредоточивают внимание на особых, более или менее исключительных, временных или даже мгновенных состояниях душевной жизни, и в результате в их лирике появляются *исповеди, думы, молитвы, сны, завещания, посвящения, признания, разубере- ния* и т. д.

Есть общность в исповедях Лермонтова и Тютчева. Они несут в себе ряд общих структурообразующих признаков: рассказ об истории души «с начала жизни», «с детских лет», выражение момента самопогружения, создания картины души («Моя душа, я помню, с детских лет / Чудесного искала» – Лермонтов [4, т. I, с. 177]; «Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей! ...» – Лермонтов [4, т. II, с. 77]; «Душа моя, Элизиум теней...» – Тютчев [9, т. I, с. 142]; «Душа хотела б быть звездой...» – Тютчев [9, т. I, с. 115]). Утверждение самоценности души и противопоставление ценной личности равнодушному и жестокому внешнему миру, исповедание о мучениях души или о грехах. Первое больше свойственно Лермонтову («И я влачу мучительные дни...» [4, т. I, с. 178]), второе – Тютчеву («Не знаю я, коснется ль благодать / Моей души болезненно-греховной...?» [9, т. II, с. 37]). Исповедь Лермонтова обычно, хотя и не всегда, завершается идеей самоценности личности, верой и собственный гений и бессмертие («Но верю им! – неведомый пророк / Мне обещал бессмертье...», [4, т. I, с. 178]), в нравственные силы души («Под ношей бытия

не устаёт / И не хладеет гордая душа...» [4, т. I, с. 181]); сопровождается идеей морального самосохранения («Пускай шумит волна морей, / Утес гранитный не повалит...» [4, т. II, с. 95]). Исповеди Тютчева, наоборот, запечатлели процесс потери человеком самого себя, процесс омертвления души («Так и в груди осиротелой, / Убитой хладом бытия...» [9, т. I, с. 132]; «Хочу сознать себя и не могу...» [9, т. II, с. 137]; «Душа... сохла, сохла с каждым днем...» [9, т. II, с. 153]; «...для души еще страшней / Следить, как вымирают в ней / Все лучшие воспоминанья...» [9, т. II, с. 184]; прошлое души становится таким же чужим, «как брат меньшей, умерший в пеленах...» [9, т. I, с. 204]).

«Думы» Лермонтова и Тютчева также имеют общие жанровые признаки. В отличие от исповеди их думы направлены обычно на внешнюю действительность, отсюда дума несёт в себе формально-жанровый признак – образ человека, который «глядит», «смотрит», «видит», и думает: «Печально я гляжу на наше поколенье!...» [4, т. II, с. 113], «Гляжу на будущность с боязнью, / Гляжу на прошлое с тоской...» [4, т. II, с. 109] Лермонтова; «Сижу задумчив и один, / На потухающий камин / Сквозь слез гляжу...» [18, т. I, с. 165], «Гляжу с участием умиленным...» [9, т. II, с. 25] Тютчева. Дума воспроизводит внешнюю обстановку раздумья, или образ человека думающего. Великий мир в думе получает критическую оценку, одинокой личности выражено сочувствие. Лермонтовская и тютчевская дума – это размышление о враждебности социального бытия человеку, что побуждает личность уходить в мир собственной души. Однако в романтической думе, особенно в тютчевской, получает выражение идея мнимой значимости и человеческого «я», у него человек — «злак земной», «быстро вянувший», льдинка, исчезающая в океане жизни.

Вместе с тем творчество Лермонтова и Тютчева запечатлевает процесс романтической самокритики, или отрицания душевной полноты, отрицания ожидаемого. Для

Лермонтова, Боратынского, Тютчева характерны лирические «разуверения»: «Не искушай меня без нужды...» (Боратынский), «Не играй моей тоской...», «Ответ» («Кто муки знал когда-нибудь...»), «Опасение» (Страшись любви: она пройдёт...), «К *» («Я не унижусь пред тобой...»), «Монолог» («Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете...»), «К *» («Оставь напрасные заботы...»), «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и др. (Лермонтов), «Не верь, не верь поэту, дева...», «И чувства нет в твоих очах...», «Нет боле искр живых на голос твой приветный...» (Тютчев). Структура «разуверений» включает в себя нередко обращение, обычно к нелюбимой, образ второго лирического героя, скорее всего, женщины, динамику, нарастание отрицания, повтор слов «нет», «не», идею отказа от обмана и самообмана или признание личной несостоятельности.

Жанр лирического «признания в любви» выразил поиски поэтами несубъективно-личностных ценностей, обозначил антииндивидуалистические настроения. Отличительный признак «признаний» — слово «Люблю» в зачине стихотворения: «Люблю грозу в начале мая...», «Люблю глаза твои, мой друг...», «Люблю, друзья, ласкать очами...» Тютчева, «Люблю я цепи синих гор...», «Люблю тебя, булатный мой кинжал...», «Люблю отчизну я...» Лермонтова. В «признании» с одической восторженностью или проникновенной задушевностью нарисован образ природы или любимой. В лирике признаний выражено стремление уйти от себя, от индивидуалистической замкнутости к другому человеку или в большой мир природы, родины.

Но с наибольшей остротой диалектика индивидуализма и антииндивидуализма противоречивой личности предстает в романтическом жанре «сна», основным признаком которого у этих поэтов является контраст между реальностью и сноведением, с чем связана двухчастная композиция «сна» («В полдневный жар в долине Дагестана» Лермонтова), или параллелизм сна и реальности («Сон на море» Тютчева).

У Тютчева и Лермонтова «поэзия сна» нередко выражает мысль об освобождении человека от индивидуалистического бытия реальности и приобщение в моменты самозабвения к внеличным ценностям. У Лермонтова красота музыки («Звуки»), у Тютчева – красота природы («Так, в жизни есть мгновения...») заставляют человека забыть себя и войти в мир антииндивидуалистический.

Однако отношение Лермонтова к грезам самозабвения двойственно. С одной стороны, критическая оценка социальной действительности, пестрой толпы бездушных людей в масках, вызывает потребность уйти от них и от себя как невольного участника их жизни: «И я счёт своих лет потерял / И крылья забвенья ловлю...» [4, т. II, с. 39], «Как он, ищущий забвенья и свободы...» [4, т. I, с. 138]. В состоянии забвенья поэт хочет прикоснуться к истинной, чистой жизни или природы («Когда волнуется желтеющая нива...») или к непорочному миру детства («1-ое января»), или заветному кругу семьи и родины (греза – сон умирающего гладиатора), или к родине и образу любимой как высшим ценностям («Сон»), или к далёкому идеалу как несбыточной мечте («Сосна»).

Страстный герой Лермонтова отвергает обезличенную жизнь. Потеря человека самого себя, своего идеала – для него это трагедия. В целом творчество Лермонтова утверждает ценность личности, мятеж настоящего человека против социальной ограниченности бытия.

У Тютчева, напротив, в подобном столкновении противоречивых движений души побеждает внеличное стремление. Тютчевскому лирическому «я» свойственно стремление сохранить в неприкосновенности нравственный мир души от посягательств «Бессмертной пошлости людской», жестокого «Суда людского», отсюда призыв к молчанию («Silentium»). В то же время ввиду осознания индивидуалистической ограниченности, возникает желание уйти от себя, от своих обманчивых чувств, забыть в

«океане» жизни природы («Весна», «Сумерки»), поэт готов умереть во имя приобщения к большой внеличной жизни через самовыражение («Как над горячею золой...»). Он провозглашает высокое блаженство общения человека с реальным природным миром («Весь день в бездействии глубоко / Весенний тёплый воздух пить, / На небе чистом и высоком / Порою облака следить...» [9, т. I, т. 144]), находит блаженство и в бурном социальном бытии в «роковые минуты», когда человек живёт над собой, а наблюдает и решает мировые судьбы («Цицерон»). Но своеобразно и противоречиво сочетается с этим влечением к внеличному миру и самозабвению страх перед обезличенным смертным сном («День и ночь»). Отсюда «пробуждение» в поэзии Тютчева оказывается радостным актом возвращения человека к подлинной действительности из нереального, безличного мира снов («Пробуждение»).

Последнее слово и души Лермонтова не «усыпление», а «пробуждение». Также в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» стремление к покою самозабвения – «Я ищущий свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть» [4, т. II, с. 208] – побеждается внутренним желанием сохранить личное ощущение жизни: «чтоб в груди дремали жизни силы»; поэт хочет чувствовать любовь и слышать шум жизни. «И жизнь поболее, чем сон», – приходил он к выводу ещё в раннем творчестве. Жизнь в грёзах забытья, с повязкой на глазах, о которой он говорит в «Чаше жизни», – ненастоящая жизнь. Поэт всем творчеством выразил страстную любовь к жизни: «Я жить хочу! Хочу печали...» [4, т. II, с. 44].

У Лермонтова в столкновении двух начал – личного и внеличного – нередко побеждало личное, особенно в раннем творчестве. И хотя в своём знаменитом реквиеме «И скучно и грустно...» он провозгласил: «Что пользы напрасно и вечно желать?», но стихотворным циклом своих «желаний» он уже раньше с большой страстью отверг её. Лермонтовский человек много желает: «...Желанье и тоска / Тревожат беспрестанно

эту грудь» [4; I, 183]. Противоречивая личность постоянно появляется в романтизме Лермонтова.

Душевно-духовное развитие «лермонтовского человека» состояло во всё более глубоко постижении народно-национальных основ русской жизни и сердечного единения с Отчиной, эмоциональном сопереживании и христианском осознании необходимости и неизбежности страданий для человека и его прощения во имя любви к ближнему и самому Божественному бытию, исполненному высокой красоты.

А Тютчев после возвращения в Россию из-за границы всё более погружался в размышления об исторических судьбах России и Европы, о самобытном пути Отечества. Он всё активнее участвовал в конкретных перипетиях социального бытия, внутренней идейной жизни России и её отношениях в Западом, что ярко отразилось и в его стихах, и в письмах. Поэт был преисполнен думами и заботами о православной России и обо всём Славянском мире.

Романтический «индивидуализм» Лермонтова и Тютчева содержал в себе защиту духовно полноценной личности, которую со страстью предприняли романтики, явилась выражением социального протеста против обезличивания человека бездуховным социумом. Однако романтический «индивидуализм» нёс в себе и глубинную ограниченность социального, общефилософского и художественного мышления. Он замыкал поэта в узкий мир своего «я» и мешал широким философски-социальным исследованиям в творчестве, суживая, ограничивая возможности литературы.

В то же время «антииндивидуализм» давал возможность поэту выйти за пределы своей личности к большому миру людей, народа, природы, истории, мог сделаться одной из дорог к реализму. Реализм сохранил то ценное, что нес романтизм – страстную защиту человека и неприкосновенности его

индивидуального мира. Но и альтруистические движения человеческого сердца, представленные романтиками, – это их ценные открытия, наследованные литературой следующих десятилетий. Проблема двух тенденций в личности человека, с большой художественной силой поставленная в романтизме Лермонтова и Тютчева, была принята И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, но с особым напряжением и художественной экспрессией решается она Ф.М. Достоевским.

Общие явления в поэзии Лермонтова и Тютчева – это наличие прежде всего типологического сходства двух ярких творческих индивидуальностей, однако нельзя отрицать и возможного влияния поэзии Тютчева на Лермонтова в 20-30-х годах, и поэзии Лермонтова – на Тютчева, начиная с 40-х годов его жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков И.С. Биография Фёдора Ивановича Тютчева. Репринт. воспроизв. изд. 1886 г. – М.: АО «Книга и бизнес», 1997. – 175 с.
2. Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Ф.И. Тютчева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – 256 с.
3. Киселёва И.А. Философия ландшафта в поэзии // Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия: Сб. науч. статей. – М.: Пашков дом, 2006. – С. 241–254.
4. Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. – ТМ.; Л.: изд. АН СССР, 1954.
5. Некрасов Н.А. Русские второстепенные поэты // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 9. – М.: ГИХЛ, 1950. – С. 202–208.
6. Пигарёв К.В. Жизнь и творчество Тютчева. М., – Изд-во АН СССР, 1962. – 376 с.
7. Саводник В.Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. – М., 1911. – 211 с.
8. Скатов Н.Н. Родина в поэтической концепции Лермонтова, Тютчева, Некрасова // Проблемы реализма. – Вологда: Вологод. пед. ин-т, 1966. – С. 240–250.
9. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. – М.: Классика, 2002. – 2005.
10. Щемелёва Л.М. О русской философской лирике XIX века // Вопросы философии. – М., 1974. – № 5. – С. 90–100.

УДК 821.161.09

Шестопалова Г.А.

Московский государственный областной университет

АФОРИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

G. Shestopalova

Moscow State Regional University

APHORISMS IN THE WORKS OF M. SALTYKOV-SHCHEDRIN

Аннотация. В статье изучается афористическое искусство знаменитого русского сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина, который по праву считается одним из самых афористических писателей XIX века. Теоретические выводы строятся на основании изучения всего массива его художественно-публицистического творчества. Афоризмы Салтыкова-Щедрина аллегоричны по своей сатирической сущности, а поэтому многие из них можно определить термином *инвективы*. Приводится классификация афоризмов и инвектив. Афоризмы и инвективы М.Е. Салтыкова-Щедрина обогатили современный речевой поток и сохраняют за собой просветительскую функцию на многие столетия.

Ключевые слова: афоризмы, инвективы, крылатые выражения, творчество, сатира, фольклор, литература.

Abstract. The paper studies the art of a famous Russian aphoristic satirist M. Saltykov-Shchedrin, who is considered to be one of the most aphoristic writer's of 19th century. Theoretical conclusions are based on the study of the entire body of his artistic and journalistic works. Saltykov-Shchedrin's aphorisms are allegorical in its satirical nature, that's why many of them can be identified as invectives. The author presents the classifications of aphorisms and invectives of Saltykov-Shchedrin. They enriched the modern speech flow and retain the educational role for many centuries.

Key words: aphorisms, invectives, winged words, creation, satire, folklore, literature.

*«Он весь опутан афоризмами, и нет для него
другого выхода, кроме изнурительного маячения
от одного афоризма к другому»*

(М.Е. Салтыков-Щедрин «Благонамеренные речи» [3, т. II, с.17])

Сближение с народной культурой, выраженной пословицами, поговорками, присловьями, освоение поэтики этих жанров фольклора, позволяет М.Е. Салтыкову-Щедрину свободно использовать структуры паремий в своей художественной стилистике, наполняя её выражениями, обогащающими разговорный поток и осуществляющимися в речи как *крылатые выражения* или *афоризмы*.

Подобные конструкции в культуре XVIII века обозначали термином *апофегматы*. Под названием «Апофегматы» факты писательского красноречия публиковались отдельными сборниками в этом столетии, возбуждая интерес к остроловию. Труды писателей этого столетия были глубоко освоены Салтыковым-Щедриным, он часто цитирует А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина и др., однако признаёт, что на его творчество воздействует опыт афористики Мишеля де Монтеля.

В XIX веке в писательском общении термин *апофегматы* вытесняется понятием *афоризмы* или его русским эквивалентом *крылатые выражения*.

Современный научный обиход сохраняет всю терминологию, однако понятие *апофегматы* вышло из массовой литературы. Редким случаем напоминания о нём явилось произведение Юрия Полякова “Козлёнок в молоке”, сатирически воздающее дань апофегмистике молодых литераторов.

В наши дни интерес к афористике очень высок. Свидетельством тому стали многочисленные сборники мудрых мыслей, золотых фраз, умных слов. К 200-летию А.С. Пушкина вышла в свет книга “А.С. Пушкин. Советы. Мысли. Афоризмы” [М., 1999], опубликованы афоризмы Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, других писателей-классиков.

Изучение афоризмов М.Е. Салтыкова-Щедрина соответствует духу времени, становится общественно востребованным.

Крылатые выражения – это синтагмы писательской речи, имеющие те же типологические свойства, что и пословицы, однако существенное отличие крылатых выражений от пословиц заключается в том, что это авторские суждения, возбуждающие заинтересованность филологов к сохранению авторского имени при цитировании.

Крылатые выражения отражают писательское глубокое уважение к фольклору. Речевая функция крылатых выражений объединена с пословицами. *Афоризмы* /от греч. *aphorismos* – изречения/ и *апофегматы* /от греч. *aporthegmata* – краткие изречения/ – это термины, синонимичные по отношению к понятию *крылатые выражения*.

Параллель между пословицами и афоризмами подчёркивает, в первую очередь, способность крылатых выражений участвовать в интеллектуальной жизни людей, обогащать их опытом знаний, наблюдений, выводов и оценок. Однако при этом необходимо понимать, что все жанры паремииологии в целом синтезируются в афоризмах, если быть

точным, то сохраняется взаимодействие не только с пословицами, но и с поговорками, дразнилками, присловьями и т. д., при этом исчерпывающее понимание специфики разноликих цитат, запечатленных по памяти, определяется термином а ф о р и з м ы.

Афоризмы – “обобщённая, глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся выразительностью и явной неожиданностью суждения. Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли <...> Секрет особенной привлекательности афоризма в том, что он содержит в себе более того, что сказано непосредственно. Его истинный смысл раскрывается в результате размышления” [4, с. 23-24].

Афоризмы могут восприниматься эстетически, но главным является их интеллектуальное воздействие, стремление расположить к глубокомыслию, к раздумьям, формировать сознательность.

Термин *афоризм* в писательской речи Салтыкова-Щедрина употребляется чаще, чем понятие *крылатое выражение*, нередко он выступает как словесная замена для обозначения пословиц.

“Область афоризмов” [3, т. 11, с.18] Салтыкова-Щедрина многообразна и во многих случаях красноречиво свидетельствует об интересе к этому художественному явлению и к самому термину. Например: “Поздний афоризм даёт молодому человеку возможность позабыть об афоризме прежде явившемся” [3, т. 10, с. 37]; “... он выводил на сцену целую свиту готовых афоризмов, вроде “бог непокорных детей наказывает”, “гордым бог противится” и проч. – и успокаивался” [3, т. 13, с. 119]. Приведённые примеры подтверждают особенность авторского использования термина и свидетельствуют о стремлении сатирика расширить научную информацию своих произведений за счёт обогащения читателей научной терминологией.

В современной фольклористике принято более точное использование терминов, по-

этому афоризмы М.Е. Салтыкова-Щедрина рассматриваются как проявления индивидуальной писательской художественной речи, глубокомысленной по сути, остроумной и краткой по форме выражения.

Афоризмы М.Е. Салтыкова-Щедрина аллегоричны по своей сатирической функции. Нередко они осуществляются в произведении с непосредственной ориентацией на особенности читательского понимания, на обширность его эрудиции и остроту политической озабоченности. Поэтому культурологический образ афоризмов Салтыкова-Щедрина сформирован многоопытной заботой сатирика о развитии восприятия содержания, заложенного в художественные образы произведений.

Аллегория имеет символический образ и символическое действие. Сатирическая символика произведений Салтыкова-Щедрина многозначна, так как символ имеет множество значений.

Афоризмы Салтыкова-Щедрина многозначны по своей логической и поэтической функциям, ярко представленная сатирическая окраска художественной образности выражений позволяет определить их ещё одним термином – *инвективы*. Инвектива / от лат. *invehi* – нападать, бросаться / – своеобразный вид резкой сатиры, имевшей большое распространение в античном мире, который предусматривал явное обличительное осмеяние. Литературные формы инвективы разнообразны, например, наиболее известными являются эпиграмма, басенная мораль и т. д.

В поэтике сатиры Салтыкова-Щедрина в большинстве случаев афоризмы – инвективы.

Афоризмы и инвективы Салтыкова-Щедрина отличаются своей поэтической сущностью. Это:

1) нарицательные образы и понятия, такие как Органчик, Иудушка, Неуважай-Корыто, Коняга, ташкентцы и т. д.;

2) сатирические дифиниции, переосмысливающие словарные справки и по-новому трактующие понятия, придавая им

остро сатирический оттенок с эффектом многозначности, например: “Как термин отвлечённый, Ташкент есть страна, лежащая всюду, где бьют но зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гонящем” [3, т. 10, с. 27]; “Молчать – это целое занятие, целый умственный процесс, особенно если при этом имеется в виду практический результат” [3, т. 15- I, с. 10];

3) умозаключения, сентенции, выводы, высказывания, отмечающие яркие черты обсуждаемого явления, кратко, точно описывающие его сущность, так что будто и рассчитаны на запоминание и последующее устное бытие, например: “обвинение, так сказать, гнездилося в моей крови” [3, т. 11, с. 72]; “Чего-то хотелось: не то конституций, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать” [3, т. 12, с. 295].

Нарицательные образы составляют феномен художественной типизации, понятие типа в них доведено до совершенства, открывающего путь к многократному использованию в речи по отношению к сходным явлениям, не ограничиваясь условиями одной среды или эпохи, вне времени – во все времена.

Ключевое качество фольклора – устность – реализуется в нарицательных образах, подчёркивая их уместность в разговорной речи. Специфические черты фольклора – способность к многократному употреблению в речи в условиях разных социальных структур – присущи нарицательным образам.

Фольклорные истоки нарицательности восходят к поэтическим, общественным и философским явлениям, которые как таковой типологической общности не имеют с данным явлением, но при этом они были его ранними предшественниками:

1) образы-символы, дающие новое обозначение объекта, почерпнутое из разных сфер природной среды, например: *добрый молодец – ясный сокол, красна девица – лебедь белая* и т. д.; философское осмысление образов-символов даёт Салтыков-Щедрин пословицей в публицистическом цикле “Наша

общественная жизнь”: “... жизнь есть река, человек – пловец, лодка – величественное здание общества, весло – прогресс, а волны – тщетная реакция безумных ретроградов” [3, т. 6, с. 31];

2) кенинги, многочисленные именные обозначения одного субъекта, явление типичное для древнего англосаксонского эпоса: “Песни Старшей Эдды”, “Песни Младшей Эдды”, “Беовульф”, однако встречающееся и в древнем эпосе восточных славян, в сказаниях и песнях о Волхе Всеславьевиче /изложение жизнеописания героя в “Русских Ведах”/ [1];

3) дразнилки – прозвища: например: “Сидит рыжая корова перед образом Крылова, с бородавкой на носу, уплетает колбасу”; “Бабка Маланья, голова баранья, глазки человечьи, а лицо овечье, ноги козлячьи, руки – медвежачьи” [2, с.204];

4) приём экивоков – двусмысленных намёков, сформировавшийся в условиях оккультной табуистики в речи первобытных охотников, использовавших словесные замены с целью удачной ловли зверей [6].

Литературные истоки нарицательности связаны с искусством обобщения и типизации. При этом можно обратиться к определению типа, которое даётся в новейшем учебнике “Теория литературы”: “*Тип*, как и персонаж, – функция, но не сюжета, а мироустройства или “среды” [5, т. 1, с. 256]. Именно это свойство образа – связь с мироустройством – наиболее убедительно представлено в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина, даже в сравнении с другими писателями-классиками русской литературы. Интерес к глубокому социальному анализу Салтыкова-Щедрина позволяет ему зорко выявлять порождения общественных недостатков, своего рода исчадия зла, и создавать убедительные образы-типы, нарицательные образы, выносящие приговор человеческим несовершенствам.

Забота о развитии нарицательности и установка на создание нарицательных типов выражены в творчестве 1850-х годов, в очерке “Приезд ревизора” /1857/ из художествен-

но-публицистического цикла “Невинные рассказы”. Салтыков-Щедрин комментирует ссылки на литературные имена, заботясь о введении их в ряд нарицательных понятий: “Пожарных лошадей выкормили, как индекс Ивана Ивановича” (См.: “Вечера на хуторе близ Диканьки Гоголя: Иван Федорович Шпонька” и т. д. /прим. М.Е. Салтыкова/ [1, т. 3, с. 32]).

Далее Салтыков-Щедрин пишет, точно в продолжение скрытого теоретизирования:

“Помилуйте, Дарья Прокопьевна! Какие же могут быть у нас живые картины! Вы посмотрите на наших дам! – возражает старинный наш знакомый Леонид Сергеевич Разбитной” (О Разбитном можно справиться в “Губернских очерках”, ч. 3-я: “Просители” / прим. М.Е. Салтыкова/ [1, т. 3, с. 33]).

Введение в нарицательность усиливается ссылками на произведения, имеющие большой общественный и литературный резонанс. Это подчёркивает равнодушие Салтыкова-Щедрина к памяти, запечатленной в имени, сохраняющей жизнь художественных творений и их авторов.

Нарицательные образы и понятия в поэтике М.Е. Салтыкова-Щедрина столь многочисленны, что их следует классифицировать:

1) нарицательные образы, выраженные говорящими именами, имеющими генезис; примером такого образа стало прозвище Порфирия Владимировича Головлёва, героя романа “Господа Головлёвы” – Иудушка; прозвище черпает свой нарицательный смысл из имени библейского апостола Иуды, предавшего Иисуса Христа; литературный генезис нарицательных образов, типичных для сатиры писателя, можно подчеркнуть афоризмом из художественно-публицистического цикла “Помпадуры и помпадурши”: “... Шествие открывал Ноздрёв, а замыкал Держиморда; Тарас же Скотинин шёл рядом с Феденькой и излагал программу будущего. Лаврецкий с прочими раскаявшимися рассеялись по сторонам и притворились, что рвут цветы...” [3, т. 8, с. 188];

2) нарицательные образы, выраженные говорящими именами, но при этом являю-

щиеся художественными открытиями самого Салтыкова-Щедрина; примеры таких имён можно найти в каждом произведении сатирика, например, в ранней повести “Запутанное дело” /1848/ нарицательным становится имя бедняка Ивана Самойлыча Мичулина; в художественно-публицистическом цикле “Убежище монрепо” – имена помещиков Разуваева, Колупаева; в “Благонамеренных речах” – капиталиста-первонакопителя Дерунова; в “Современной идиллии” – представителей продажной юриспруденции и прессы: Балалайкина, Редеди, Гадюка-Очищенного;

3) нарицательные образы, выраженные прозвищами; например в сатире “История одного города”: образ градоначальника Деметрия Варламовича Брудастого, прозванного “Органчик”;

4) нарицательные образы, выраженные зооморфизмами; такими образами богаты “Сказки” М.Е. Салтыкова-Щедрина: “Карась-идеалист”, “Орёл-меценат”, “Премудрый пискарь”, “Вяленая вобла”, “Коняга” и т. д.;

5) нарицательные образы, включающие в свое обозначение топонимы: например, в

художественно-публицистическом цикле “Господа ташкентцы” – ташкентцы; в “Пошехонских рассказах” – пошехонцы и т. д.

Афоризмы М.Е. Салтыкова-Щедрина стали не только достоянием филологического мышления, но и значительно обогатили живую разговорную речь современной эпохи. Обращение к ним всегда придаёт живость и оригинальность высказываниям, поэтому с начала XX века утвердился традиция обращения к ним политических деятелей. “Политика в быте”, – определил свойства художественной образности сатирика А.М. Горький.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асов А. Веды Руси. Прочтение и перевод, – М.: АСТ, 2011. – С. 638.
2. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
3. Салтыков-Щедрина М.Е. Собр. соч.: – В 20 т. – М.: Художественная литература, 1965. – 1977.
4. Словарь литературоведческих терминов / Сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 512 с.
5. Теория литературы / Под ред. М.Д. Тамарченко.: В 2 т. – М.: Академия, 2007.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 622 с.

УДК 821.161.1-31

Щедрина Н. М.

Московский государственный областной университет

**ПОВЕСТЬ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И КОНЦЕПЦИЯ
«СБЕРЕЖЕНИЯ НАРОДА» А. СОЛЖЕНИЦЫНА
(К 50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА ПОВЕСТИ ИЗ ПЕЧАТИ)**

N. Shchedrina

Moscow State Regional University

**“ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH” AND THE CONCEPT
OF “SAVING PEOPLE” OF ALEXANDER SOLZHENITSYN
(TO 50TH ANNIVERSARY OF THE FIRST PUBLICATION)**

Аннотация. Статья посвящена 50-летию со дня выхода повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» из печати. Рассматривается необходимость появления такого типа героя в литературе 1960-х годов, влияние произведения на литературный процесс XX века. Как пример анализируется характер Ивана Африкановича Дрынова из повести В. Белова «Привычное дело». Говорится о героях-праведниках Солженицына, подобных Ивану Денисовичу, Матрёне Захаровой, Захаре Калите, Спиридоне Егорове, Арсении Благодареве. Особое внимание уделено связи повести Солженицына с его концепцией «сбережения народа». Приводится оценка «Одного дня...» бывшим лагерником, историком литературы, профессором Л.А. Финком.

Ключевые слова: Солженицын, Иван Денисович, сбережение народа, лагерник, повесть.

Abstract. The article is devoted to the 50th anniversary of the first publication of Solzhenitsyn's story «One Day in the Life of Ivan Denisovich». The necessity of such a character in the literature of the 1960s and the influence of the story on the literary process of the 20th century are considered in the paper. The image of Ivan Afrikanovich Drynov's from novel «Business as Usual» by V. Belov is reviewed as an example. Solzhenitsyn righteous characters like Ivan Denisovich, Matrena Zakharova, Zakhar Kalita, Spiridon Egorov, Arseniy Blagodarev are analyzed. Special attention is paid to the connection of the Solzhenitsyn's novel with its concept of «saving people». The author also presents a review of «One Day ...» by former prisoner, literary historian and professor L. Fink.

Key words: Solzhenitsyn, Ivan Denisovich, «saving people», prisoner, novel.

В Нобелевской лекции автор повести «Один день Ивана Денисовича» дал образное определение мировой литературе «как единого большого сердца, klokotящегося в заботах и бедах нашего мира, хотя по-своему представленных и видимых во всяком его углу» [5, с. 21].

Одним из важнейших направлений её стало отражение и осмысление особой ситуации, в которой оказался человек XX века. В отличие от других эпох, он очень часто «выбрасывался» из постоянных социальных связей, прочих ниш цивилизации, меньше жил в своём доме и трудился на своём рабочем месте, чем погибал в окопах, концлагерях, трясся в эвакуационных теплушках рядом со случайными спутниками. Это уже не столько социальная принадлежность, сколько изменение её: постоянные «выбросы» из прочных детерминант меняют сознание людей, возрастает роль самого сознания. И хотя решение индивида зачастую не способны отвлечь судьбу, все же могут изменить её сущность. Когда внешние силы направлены против человека, тогда он выживает в борьбе против них только за счёт своего

© Щедрина Н. М., 2013.

самоопределения. Таким выстрадавшим героем в его творчестве стал Иван Денисович Шухов.

С образом Ивана Денисовича в литературу вошла новая этика [2, с. 13], выкованная в лагерях, через которые прошла немалая часть общества. Шухов, не желая потерять человеческое достоинство, вовсе не склонен принимать на себя все удары лагерной жизни – иначе просто не выжить. «Это верно, крихти да гнись, – замечает он. – А упрёшься – переломишься» [4, с. 34]. Солженицын отрицает представление советских людей 1930-х годов о гордом сопротивлении личности трагическим обстоятельствам. В этом смысле Иван Денисович противопоставлен Буйновскому, олицетворяющему тип идеологизированного человека. Кавторанг лишён возможности хоть как-то опереться на свой прошлый опыт, что заметно осложняет его и без того нелёгкое положение. А недалекое будущее принесёт ему ещё более тяжкие испытания. Ведь в споре с лейтенантом Волковым за отчаянную попытку отстоять справедливость Буйновского отправляют в барак усиленного режима.

Иван Денисович предстаёт то, как бескомпромиссный носитель твёрдых убеждений и моральных принципов, то, как человек, гибко приспособляющийся к обстоятельствам и сознательно уходящий от активного протеста, то, как истовый приверженец патриархальных традиций народного жизнеустройства, то, как скептик, бесстрашно оспаривающий священные евангельские заповеди. Но всё-таки главное, что выделяет в нём Солженицын, – это недюжинную силу, позволяющую ему так или иначе преодолевать лишения и тяготы, из которых буквально соткано всё лагерное бытие. Мастерской человек, охотливый до настоящей работы, Шухов по-народному терпелив и сдержан в перенесении тягот. Услужливый (порой до самоунижения), он не теряет своего достоинства, знает грань, за которую переступать нельзя. Он не суетится, когда есть возможность вымолить у Цезаря окурки, по-

отцовски бережёт глухонемого беззащитного Сеньку.

Внутренняя свобода сидевшего в застенке ГУЛАГа Ивана Денисовича помогает противостоять враждебной действительности не совершаемыми поступками, а стремлением выжить вопреки режиму. Это стремление воспринимается как сопротивление. Он способен к состраданию, терпению и испытанию, потому что не придуман, потому что вырос из собственного опыта писателя.

Многие критики и литературоведы, писавшие о повести «Один день Ивана Денисовича» в самом начале 1960-х гг., сразу после её публикации и позднее, рассматривали произведение как обвинительный приговор преступлениям «эпохи Сталина». Но такой подход явно упрощал концепцию Солженицына, как показало всё дальнейшее творчество писателя. В фокусе авторского понимания находятся истоки и приметы нравственной стойкости и честности простых, «маленьких» людей, сохранивших в себе доброту созидания вопреки воздействию социального зла, глубоко враждебного исконным народным представлениям о совести и морали.

Иван Денисович – это своеобразное воплощение народного характера, достаточно многоликого и неоднозначного. «Народный характер» Солженицын трактует намного шире, чем принято [8, с. 97], включая сюда представителей из всех слоёв общества, людей иной культурной среды, приобщённых к высшим достижениям русской и мировой цивилизации. Это его знаменитая Матрёна и повествователь («Матрёнин двор»), Костоготов («Раковый корпус»), Нержин («В круге первом»). Значимые грани русского народного характера представлены и в героях, враждебных автору, на слабости и подлости которых и держится тоталитарный режим (Русанов из повести «Раковый корпус», Яконов из романа «В круге первом»). Народ включает в себя праведников и отвернувшихся от правды, как дипломат Володин («В круге первом»), и тех, кто способен на предательство и злодеяния. Идя таким путём,

А. Солженицын сопрягает специфику народного характера с исследованием русской истории, с виной за трагические повороты которого ложится не только на плечи политических деятелей, но и на весь народ, не услышавший голосов истины и предостережения, прозвучавших со страниц «Красного Колеса».

В своё время А. Твардовский высказал мысль о том, что с А. Солженицына началось «новое летоисчисление в нашей литературе». Оно заключалось в служении и в воссоздании «растоптанной, оболганной у нас реальности», и в выдвижении нового понимания отечественной истории, и в предложенной им новой концепции человека. Его Матрёна, Иван Денисович – люди не рефлексирующие, живущие некими природными, как бы данными извне, заранее и не ими выработанными представлениями. И в такой обстановке в равной степени важно выжить физически в условиях, вовсе не способствующих этому, но не ценой потери собственного человеческого достоинства. Потерять его – значит погибнуть, то есть, выжив физически, перестать быть человеком, утратить не только признание других, но и уважение к самому себе, что равносильно смерти.

Всеми этими качествами обладал его первый характер, буквально ворвавшийся в литературу начала 1960-х годов и изменивший ситуацию в последующие годы. Сегодня становится всё явственнее, что без Ивана Денисовича не возможно появление целой плеяды героев, сложившихся как по цепочке в творчестве Ю. Казакова, Б. Окуджавы, Ю. Трифонова, Ю. Давыдова, А. Вампилова.

Но заявленный солженицынский тип «подхвачен» и в чём-то предвосхитил позднейшие искания В. Шукшина, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина. Но дело вовсе не в «деревенской» прозе, а в том, что литература времени появления Ивана Денисовича нуждалась в другом обыденном, негероическом типе личности, выдержавшем революцию, 1930-е гг., Отечественную войну и другие потрясения, но при этом сохранившем стойкость.

О влиянии повести об Иване Денисовиче на литературный процесс свидетельствует и появление спустя четыре года повести В. Белова «Привычное дело», вызвавшей бурную полемику. В Иване Африкановиче Дрынове критику не устраивала созерцательная покорность перед обстоятельствами жизни. Как и Солженицын, В. Белов переносит центр тяжести на пережитые героем кризисные ситуации и потери, которые не изменили человеческой сути Ивана Африкановича. Он по-прежнему на все испытания реагировал поговоркой «дело привычное», употребляемой в самых разных жизненных ситуациях. Причины испытаний, которые возникают перед человеком как преграда, заложены в насилии над ним. В этом точка схождения Белова с Солженицыным. Их герои враждебны по духу советской действительности, потому что не придуманы, «не натянуты», поэтому и выдержали оценку временем. Такие произведения Солженицын назвал «зачерпнувшими истины и представившими нам её сгущённо-живой». Они, по словам писателя, «захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергнуть» [5, с. 9],

Путь, пройденный Солженицыным с конца 1950-х годов, с момента публикации «Одного дня Ивана Денисовича» в печати, продемонстрировал непосредственную связь с этой повестью всего творчества писателя. Праведники, как и Иван Шухов, труженица Матрёна Захарова, добровольный смотритель Куликова поля Захар Калита, дворник Спиридон Егоров из романа «В круге первом», русский солдат из тамбовских крестьян Арсений Благодарев в «Красном Колесе» подтверждают эту мысль.

От Ивана Денисовича начинается линия, идущая к солженицынской магистральной мысли о сбережении Шуховых для будущего. Праведничество и добросовестный труд могут спасти Россию. Заронив когда-то «зёрнышко» сбережения человека в любых условиях, даже бесчеловечных, Солженицын постепенно приходил к его укрупнению в

последующих произведениях, а затем позже сформулировал в публицистике как «сбережение народа», нации.

Позже, исторически и политически осознавший в изгнании необходимость выступить против истребления людей, писатель выразит свой тезис в лаконичной форме: «Сбережение Народа».

Ничего для нас нет сегодня важней» [6, с. 6].

Особенно ярко эта мысль выражена в публицистических работах: «Как нам обустроить Россию?» (1990), «"Русский вопрос" к концу XX века» (1994), «Россия в обвале» (1998), «Двести лет вместе» (2002); в статьях, выступлениях конца 1990-х – начала 2000-х годов: «Речи в Государственной Думе», «Слове при получении большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук 2 июня 1999 года», на «Круглом столе» в Российской Академии Наук 24 сентября 1997 года, на церемонии вручения Большой Французской Академии моральных и политических наук в Москве 13 декабря 2000 года.

В «"Русском вопросе" к концу XX века» Солженицын уходит в глубину времён, обращается к «Проекту сбережения народа» 1754 года графа П.И. Шувалова, а затем, исходя из последующих эпох, исторически проследивает неисполненное «Сбережения Народа» и с особой остротой обосновывает эту необходимость: «"Русский вопрос" к концу XX века стоит очень недвусмысленно: *быть* нашему народу или *не быть*?» [5, с. 700-701].

Свою «Речь в Государственной Думе» 28 октября 1994 года после возвращения из изгнания он заканчивает словами: «Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель – это **сбережение нашего народа**, и так столь уже измученного, сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций» (выделено автором) [3, с. 467]. А в интервью АИФ 2-8 августа 2007 г. (журналу «Шпигель») писатель выдвинет «сбережение гибнущего народа» как национальную идею.

Этой же мыслью проникнуты фрагменты статьи Солженицына «Беглецам из рая»,

оставшейся в набросках на рабочем столе после смерти автора.

Масштаб мысли А. Солженицына позволил ему проследить нравственную эволюцию народа, в соотнесении с раскаянием, самоограничением и ответственностью и через практический результат выдвинуть идею сбережения лучших сторон народной морали и устойчивости.

Нельзя не придавать значения воздействию Ивана Денисовича – героя художественного произведения – на жизнь реальных людей, бывших лагерников, испытавших, как и автор повести, и его герой, унижения и лишения, хотя у каждого своя история. Заключённый Лев Адольфович Финк, пробывший в тюрьме, ГУЛАГе в Коми, ссылке в Заполярье 17 лет, вновь «переживёт» свою жизнь в мемуарном повествовании «И одна – моя – судьба» (1993). Его арестовали в возрасте 21 года, когда учился в МИФЛИ и работал сотрудником «Литературной газеты». После лагеря, сорокалетним человеком, он поступил в аспирантуру, получил степень кандидата, потом доктора, заведовал кафедрой литературы в Куйбышевском университете более 25 лет. Написал 11 книг по истории и теории литературы.

Он был одним из глубоких исследователей литературного процесса XX века, его рассуждения-свидетельства убедительно доказывают роль повести об Иване Денисовиче Солженицына и в литературе 1960-х–1970-х гг. и с позиции осознания жизни лагерников, во многих из которых он узнал товарищей по каторге.

Л.А. Финк рассматривает в Шухове чувство ответственности человека – хозяина за своё отечество. И в этом заключается принципиальное отличие Ивана Денисовича: в таком герое очень нуждалась в те годы литература. Как бы ни пытались власти обезличить и растоптать его, вопреки этому выживал. Солженицын убеждал читателя в неисчерпаемости человеческих сил, неисчерпаемости, воспитанной и созданной его собственным трагическим социальным опытом.

Ни один из исследователей повести Солженицына не рассмотрел с пристальным вниманием малозаметный казался бы эпизод, посвящённый душевному и творческому порыву Шухова. Финк считает, что те страницы, в которых описываются последние минуты рабочего дня, полны особого драматизма. Раздаются удары по рельсу, впереди ужин и сон, закончился 11 часовой рабочий день. Но у бригады готов новый ящик с раствором, Тюрин кричит: «Выкидывай раствор на стенку», но Шухов не соглашается. Продолжает трудиться, растянув работу на 12 час: «быстро хорошо не бывает». Хоть его конвой псами травы, а не уходит с площадки, пока не убеждается: «Эх, глаз – ватерпас! Ровно! Рука ещё не старится» [4, с. 70].

«В этой гордости мастера, в этой готовности идти на любые невзгоды и неприятности во имя дела, и есть», по мнению Л.А. Финка, самое главное в Шухове. «Все у него отняли: счастье, семью, свободу, родной дом, честное имя, гражданские права... из обычного лагеря сунули в особый... в голод и холод, под власть людей ожесточившихся, обозлённых, а человеческого в Ивана Денисовиче не растоптали» [7, с. 65]. По-прежнему живёт он любовью к труду, готовностью всего себя вывернуть, всё отдать, лишь бы полезное дело сделать. «Он человек выше своей судьбы» [7,

с. 65] с фантастической приверженностью к труду, в котором и заложено сопротивление насилию.

Когда Финка спрашивали об его отношении к лагерной литературе, он отвечал: «Мне кажется, что наиболее правдивая книга – это книга Солженицына, потому что он для своего Архипелага отобрал колоссальное количество материала—разные острова, шарашки. Он знает настоящую каторгу» [1, с. 276].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Его жизнь и его судьба. Книга памяти Льва Финка. Критика, публицистика, мемуары. – СПб.: ОООИНАПРЕСС, 2005. – 296 с.
2. Синенко В.С. Этика стоицизма Александра Солженицына. – Уфа, 1999. – 136 с.
3. Солженицын А.И. Избранное: проза, лит. критика: публицистика. – М.: «Жизнь и мысль», 2004. – 496 с.
4. Солженицын А.И. Малое собр.соч. в 7 т. Т.3. Рассказы. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 297 с.
5. Солженицын А.И. Публицистика: В 3-х т. Ярославль: Верхняя Волга. 1995–1997. – Т.1. – С. 720. В текстах писателя полностью сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.
6. Солженицын А.И. Это и была моя реальная попытка возврата на родину // Российская газета. 17 сент. 2010. 18 с.
7. Финк Л.А. И одна – моя – судьба. – Самара, 1993. 256 с.
8. Фридлиндер Г.М. О Солженицыне и его эстетике // Русская литература. – 1993. – № 1. – С. 92-99.

Публикации аспирантов

УДК 821.161.1: 82.09

Клюкина А.В.

Литературный институт имени А.М. Горького (г. Москва)

ТВОРЧЕСТВО В. Г. БЕНЕДИКТОВА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.Г. БЕЛИНСКОГО

A. Klyukina

Maxim Gorky Literary Institute

THE POETRY OF V. BENEDIKTOV IN THE CONTEXT OF THE LITERARY-CRITICAL CONCEPTION OF V. BELINSKY

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации основных противоречий лирики В.Г. Бенедиктова по отношению к критическим взглядам В.Г. Белинского и принципам «натуральной школы». Исследование проведено в русле сравнительно-исторического и типологического методов. На материале рецензий критика на основные издания стихотворений «неистового романтика» рассмотрены представления Белинского о «мысли» в поэзии, значении творческой фантазии и «народности» в литературе. Полемика проанализирована с учётом неоднозначности литературной репутации Бенедиктова и его популярности в середине 1830-х—начале 1840-х годов.

Ключевые слова: «неистовый романтизм», литературно-эстетическая полемика, литературная репутация, «мысль» в поэзии, критерии художественности, содержание и форма в литературном произведении, национальное чувство в литературе.

Abstract. The article deals with the identification and systematization of the main contradictions between the poetry of V. Benediktov and critical views of V. Belinsky according to principles of the «natural school». The study is in line with the comparative-historical and typological methods. The ideas of Belinsky about the thought in the poetry, the role of creative fantasy and the national spirit in literature is considered on the material of the critic's reviews on the main publications of Benediktov's works. This discussion was analyzed in the context of complicated literary reputation of Benediktov and his popularity from the mid 1830s till the beginning of the 1840s.

Key words: «frenzied Romanticism», literary and aesthetic debate, literary reputation, «thought» in poetry, criteria of artistry, content and form in the creative work, national spirit in literature.

В.Г. Белинский — критик, чьи идеи и суждения не только были определяющими при формировании литературного вкуса читателей начиная с 1830-х годов, но и во многом повлияли даже на современные представления о произведениях русской классической литературы. В свою очередь воззрения Белинского пережили непростой период становления и внутреннюю эволюцию, хотя и не всегда вполне очевидную.

© Клюкина А.В., 2013.

Одним из примеров подобного явления можно считать высказывания критика о поэзии «неистового романтика» В.Г. Бенедиктова, бывшего, по свидетельству младших современников, в 1830-е годы даже популярнее А.С. Пушкина. Как известно, именно негативные оценки Белинского способствовали утверждению литературной репутации Бенедиктова как «калифа на час» и творца «поэтических игрушек». Не случайно в 1856 году Н.Г. Чернышевский назвал первую книгу Бенедиктова (1835) «главной бедою его, из которой произошли все последующие неприятности» [11, с. 15-16]. Вместе с тем нельзя не отметить, что Белинский в определённом смысле способствовал популярности Бенедиктова, откликаясь на каждое издание стихотворений поэта (статьи 1835, 1836, 1838, 1842 годов). При этом в рецензиях критика нашло отражение не только мнение о «несвоевременном» поэте-романтике, но и широкий круг литературно-эстетических и философских вопросов.

Так, статья о первой книге молодого поэта «Стихотворения Владимира Бенедиктова», появившаяся в 1835 году на страницах журнала «Телескоп», уже была частью заметной литературной полемики середины 1830-х годов о принципах нового искусства и «новой литературной реальности» [4, с. 82]. Прежде всего, Белинский останавливается на современном определении сущности литературы и критики. Можно сказать, что именно в выступлениях В.Г. Белинского, равно как и в работах Н.И. Надеждина, русская литературная критика достигла «самодостаточного статуса» как «своеобразная форма литературного самосознания», обладающая особым инструментарием и связанная с определёнными философско-эстетическими принципами, присущими конкретной культурной эпохе [8, с. 10-11]. «Что такое критика? – размышляет Белинский, – оценка художественного произведения. При каких условиях возможна эта оценка, или, лучше сказать, на каких законах должна она основываться? <...> В деле изящного суждение тогда только может

быть правильно, когда ум и чувство находятся в совершенной гармонии <...> тонкое поэтическое чувство, глубокая приемлемость впечатлений изящного – вот что должно составлять первое условие способности к критицизму, вот посредством чего с первого взгляда можно отличать поддельное вдохновение от истинного, риторические вычурности от выражения чувства, галантерейную работу форм от дыхания эстетической жизни...» [1, т. I, с. 355-357]. В приведённой цитате выражено, по сути, и представление Белинского о критериях художественности в словесном творчестве, и мнение об анализируемой книге Бенедиктова. Так, необходимые условия художественности были определены Белинским ещё в статье «Литературные мечтания». От подлинного произведения словесности требовались искренность, естественность и простота: «...искусство есть выражение великой идеи вселенной в её бесконечно разнообразных явлениях! <...> Век фразеологии для нас проходит; по нашим понятиям, фраза должна прибираться для выражения мысли или чувства; прежде мысль и чувство приискивались для звонкой фразы» [1, т. I, с. 34, 58]. По замечанию Г.Ю. Карпенко, «Белинским “художественное” понималось-переживалось как семантико-онтологическое состояние, обретение-восстановление которого “в себе” помогает преодолеть разрыв в непрерывности Откровения, сохранить духовный опыт в веках» [3, с. 288]. В этой связи «цветистая» бенедиктовская фраза воспринималась критиком не только как один из главных стилистических недостатков произведений молодого стихотворца, но и как символ устаревшего понимания роли и назначения поэзии. Поздний, «так называемый романтизм» утрачивал актуальность и становился «старой новостью» в изменившихся социально-исторических условиях [1, т. I, с. 68]. Для Белинского настоящая поэзия была выражением «народного духа», что и определяло наличие «мысли» в произведении: «Кажется, в наше время никто не должен сомневаться в том, что в ис-

тинно художественном произведении не может быть погрешностей и недостатков, как думают школяры и люди посредственные» [1, т. I, с. 360].

С этим связан и упрек критика в отсутствии у Бенедиктова фантазии как движущей силы творчества: «В стихотворениях г. Бенедиктова всё не досказано, всё неполно, всё поверхностно, и это не потому, чтобы его талант ещё не созрел; но потому, что он, очень хорошо понимая и чувствуя поэзию воспеваемых им предметов, не имеет этой силы фантазии, посредством которой всякое чувство высказывается полно и верно» [1, т. I, с. 369]. На подтверждение данного высказывания направлены и многочисленные цитаты из стихотворений поэта, причём подобранные также в соответствии с «неисто-во-романтической» логикой.

Как пишет А.М. Штейнгольд, Белинский использует «романтический способ “аккордного” воздействия на читателя <...> Сразу уловив отсутствие выверенной художественно-композиционной логики в поэзии Бенедиктова, Белинский концентрирует витиевато-алогичную метафорику поэта и обрушивает её шквал на читателя, лишая его возможности ощутить отдельные стихотворения» [13, с. 267]. Приводя не только отдельные выразительные словосочетания, но и обширные стихотворные цитаты, Белинский решается на своеобразный стилистический эксперимент – переложение в прозу стихотворений, «обращённых в натяжку» ради обличения «затейливых мыслей, риторической шумихи и набора общих мест» [1, т. I, с. 360-361]. Главное, что в данном случае пытается доказать критик, – необходимость ясности и точности выражения, отделяющих плоды «работы», «деланности», от «творчества». С этой точки зрения показательным появившееся впоследствии сравнение лирики В.Г. Бенедиктова с сочинениями А.В. Кольцова. Писательским достоинством последнего признавались «неподдельная народность», «возвышенность взгляда» и «разгул юного чувства», благодаря которым стихотворцу

прощалось и некоторое незнание грамматических норм русского языка [1, т. I, с. 388, 389]. Бенедиктову, напротив, ставились в вину «беспрестанная невыдержанность мысли, стиха, самого языка, которые обнаруживают отсутствие чувства, фантазии, а следовательно, и поэзии» [1, т. I, с. 360].

Примечательно, что «кольцовский критерий» [4, с. 84, 92] стал впоследствии «зеркалом», отразившим бенедиктовские «вычуры» и сделавшим стихотворца-романтика своеобразным эстетическим жупелом, на которого обрушился весь вал критики и недовольства на фоне усиливающихся реалистических тенденций и растущей популярности представителей «натуральной школы».

В частности, предпочтение кольцовскому творческому методу Белинский отдал и в обзорной статье «Ничто о ничем, или отчёт г. издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», назвав произведения А.В. Кольцова «приятным явлением нашей бедной литературы» [1, т. II, с. 50].

«Феномен Бенедиктова» [13, с. 264] оказался главным аргументом и в полемике Белинского со С.П. Шевырёвым о «поэзии мысли»: «Где-то было сказано, что в стихотворениях г. Бенедиктова владевает мысль: мы этого не видим <...> Обращаюсь к мысли. Я решительно нигде не нахожу её у г. Бенедиктова. Что такое мысль в поэзии? <...> Это не рассуждение, не описание, не силлогизм – это восторг, радость, грусть, тоска, отчаяние, вопль!» [1, т. I, с. 360, 363, 365]. Как видно из данного утверждения, эстетическая ценность произведения для Белинского определялась главным образом эмоциональной насыщенностью текста, сочетающейся при этом с поэтической «грацией». По сути, это требование было обусловлено особенностями критической позиции Белинского как таковой и оформлением в ней идеи поэтического содержания. Немаловажным в этом контексте является изложенное в статье разграничение чувства и чувственности как «телесного ощущения, но только произведённого мыслию» (курсив автора. – А. К.) и

«материальным предметом» соответственно [1, т. I, с. 363]. Таким образом, причисляемая к проявлениям чувственности, лирика Бенедиктова становилась иллюстрацией «неблагопристойности» и «отсутствия всякого вкуса» [1, т. I, с. 367]. Именно в этом выводе, сделанном Белинским, с предельной ясностью отразились его противоречия с С.П. Шевырёвым, видевшим в стихотворениях Бенедиктова «внутреннее чувство <...> грусти неземной в нашей поэзии, <...> глубокий след мысли <...>, нераздельно слитой с поэтическим образом» и «могучее нравственное чувство добра, слитое с чувством целомудрия» [12, с. 455]. Однако стоит отметить, что полярные оценки критиков сначала оказывали весьма незначительное влияние на общее одобрительное и приветственное отношение читателей к первой книге нового поэта. С точки зрения рецензента, пусть и недолговечная, популярность Бенедиктова и его эстетические взгляды представляли очевидную угрозу для умов читателей 1830-х годов. Это тем более примечательно, что одной из принципиальных особенностей идущей от «любомудров» концепции «мысли» в поэзии была «противопоказанность» тщательной отделки, «поскольку одно другому противоречит» [10, с. 113].

По наблюдению А.С. Курилова, «Белинский понимал: вопрос о том, что и как (курсив автора. — А. К.) должны выражать наши писатели, имел принципиальное значение для определения пути, которым русская литература пойдёт к своей самобытности, оригинальности, самостоятельности» [4, с. 85]. По этой причине «эпигонство» Бенедиктова как в сфере стиля и языка, так и при выборе тем и образов порождали своеобразный «бунт» критика: «Я слишком хорошо знаю наш литературный мир, наши литературные отношения, и потому почти каждая новая книга возбуждает во мне такие думы и ведёт к таким размышлениям, какие она не во всех возбуждает <...> Стихотворения г. Бенедиктова не принадлежат к числу этих дюжинных и бездарных произведений, которыми те-

перь особенно наводняется наша литература; напротив, в этой печальной пустоте они обращают на себя невольное внимание и с первого взгляда легко могут показаться чем-то совершенно выходящим из круга обычных явлений. Но это-то самое и заставляет рецензента, отложив в сторону пошлые оговорки и околичности, прямо и резко высказать о них своё мнение» [1, т. I, с. 359, 360].

В борьбе за эстетические и мировоззренческие ориентиры современников критик верно угадал в Бенедиктове одного из лидеров нового направления в словесности, ложного и упадочного в перспективе. Рассматриваемая рецензия Белинского была направлена на развенчание «абстрактной философичности “поэзии мысли”, её пустоты за внешними атрибутами» [9, с. 38]. Такая трактовка вполне закономерна в контексте собственного развития взглядов критика. Определяя задачу литературы как «выражение внутренней жизни народа» [1, т. I, с. 29], Белинский в то же время находился под влиянием шеллингианской идеалистической концепции человеческого познания и настаивал на единстве чувства и мысли, олицетворявшем для него подлинную творческую индивидуальность [14, р. 293].

Следовательно, в статье 1835 года Белинским не только был сформирован стереотип восприятия лирики В.Г. Бенедиктова, но и в целом намечены основополагающие общетеоретические принципы критики, развитые и углублённые в дальнейшем.

В частности, в отклике на второе издание произведений Бенедиктова (1836) Белинский переходит от «феноменологического» рассмотрения бенедиктовской лирики к широкому её сопоставлению с произведениями А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и А.И. Потеяева. Критик обращается к двум главным задачам критики – дидактической и прогностической – и указывает на ещё одну «слабость» поэтической личности Бенедиктова – недостаточное упрямство. «Нам приятно видеть, – замечает Белинский, – что г. Бенедиктов обратил внимание на наши советы и

воспользовался ими, хотя и поздно; но это делает честь его характеру как человека, а не как поэта: по нашему мнению, поэт должен быть упрям и стоек, будучи уверен, что каждый его стих есть плод вдохновения, которое никогда не обманывается, которое всегда творит верно» [1, т. II, с. 209]. Впоследствии Бенедиктов ответил на обвинения Белинского своеобразным поэтическим манифестом – стихотворением «Поэту»: «Когда тебе твой путь твоим указан Богом – / Упорно шествуй вдаль и неуклонен будь! / Пусть критик твой твердит в суде своём убогом, / Что это ложный путь...» [2, с. 413]

Можно сказать, что «ключом» к пониманию «феномена Бенедиктова» в статьях Белинского является представление критика о соотношении в художественном произведении содержания и формы: «...перечтите ещё раз, взгляните попристальнее в то, что вам показалось поэзией, и “ничто” и не бывало: форма остаётся отделенною от духа, а духа нет, потому что нет таинственного слития между ними. Одновременность идеи и формы, – продолжает Белинский, – есть основной закон акта творчества; но у г. Бенедиктова – так по крайней мере кажется нам – идея всегда предшествует форме, которая у него приделывается к идее» [1, т. II, с. 422]. В данном случае вновь актуализируется проблема поэтического содержания (сущности) и выражения (формы), получая в размышлениях Белинского уже фундаментальное теоретическое обоснование, хотя суждения о необходимости единства этих категорий были высказаны ещё в «Литературных мечтаниях». При рассмотрении лирики Бенедиктова Белинский специально обращает внимание на несоответствие содержания форме, что, в конечном итоге, и должно привести читателя к более полному осознанию кажимости дарования популярного стихотворца.

Примечательно, что, размышляя о роли Бенедиктова в воспитании литературного вкуса у читателя, Белинский в 1842 году писал: «О достоинстве и значении поэзии г. Бенедиктова спор уже кончен; самые почи-

татели его согласятся, что он то же самое в стихах, что Марлинский в прозе <...> Вообще, должно заметить, что поэты, подобные Марлинскому и г. Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень полезны для эстетического развития общества, Эстетическое чувство развивается чрез сравнение и требует образцов даже уклонения искусства от настоящего пути, образцов ложного вкуса и, разумеется, образцов отличных» [1, т. VI, с.493-494]. Как пишет Ю.И. Минералов, «Белинский вынужден, <...> отвечая поклонникам творчества Марлинского и Бенедиктова (в то время весьма многочисленным) признать за обоими некую “гениальность” — которую он тут же, снижая смысл слова, с профессиональным мастерством подаёт как “внешний блеск” и “кажущуюся силу” [6, с. 80].

Своеобразным доказательством «необходимости» Бенедиктова становится размышление Белинского о герое лирики «неистового романтика» на примере стихотворения «Напоминание»: «...Нина, помнишь те мгновенья, / Или времени поток / В море холодного забвенья / Все заветное увлék?» [2, с. 72]. Воспоминание лирического героя о Нине наряду со всеми произведениями Бенедиктова казалось Белинскому лишённым «музыки души и чувства» [1, т. VI, с. 496]: «...эта бессердечность, этот холодный блеск, при изысканности и неточности выражения, кажется истинною поэзией “львам” и “львицам” средней руки...» [1, т. VI, с. 495 — 496]. Как отмечает В.А. Осанкина, Белинский стремится подчеркнуть не только вульгарность и пошлость бенедиктовских персонажей, но и «мелочность, убогость их интересов, незнание жизни и реальный разлад с действительностью» [7, с. 10, 12]. В то же время фальшивость и «ложная величавость», по мнению рецензента, были присущи и почитателям стихотворца из «средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга» [1, т. VI, с.494].

Показательно и высказывание о Бенедиктове в девятой статье В.Г. Белинского о сочинениях А.С. Пушкина: «Всего достолюбезнее

в идеальных девах уверенность их, что они понимают то, что читают, и что чтение приносит им большую пользу. Все они обожаельницы Пушкина, — что, однако ж, не мешает им отдавать должную справедливость и таланту г. Бенедиктова, иные из них с удовольствием читают даже Гоголя, что, однако ж, нисколько не мешает им восхищаться повестями гг. Марлинского и Полевого» [1, т. VII, с. 478]

С ещё большей жёсткостью Белинский осуждает подражания Бенедиктову со стороны молодых поэтов, таких как Е.Л. Милькеев и А. Градцев. Так, в рецензии на книгу последнего «Цветы музыки» Белинский с нескрываемым сожалением признаёт Бенедиктова лидером целой группы стихотворцев. «Все замашки музыки г. Градцева обличают в нём поэта романтического, из школы г. Бенедиктова» [1, т. V, с. 610]. Кроме того, несмотря на нарочитую отстраненность, суждения Белинского все же не были лишены личностного аспекта. Восприятие литературного оппонента как личного недруга было присуще натуре Белинского и осознавалось им самим. Однако и здесь взгляды критика были весьма неоднозначными. Об этом свидетельствует фраза из письма Белинского Н.А. Бакунину от 9 декабря 1841 года: Иногда мне бывает досадно на себя за эту тяжёлость и негибкость моей натуры; но что мне делать с собою: я рождён, чтобы называть вещи их настоящими именами; *я в мире боец...* (курсив автора. – А. К.) И за то меня искренно любят человек десять и ненавидят сотни людей...» [1, т. XII, с. 75-76]. Наряду с романтическим пафосом данное высказывание содержит цитату из раннего стихотворения Бенедиктова «Могила» (1836): «Я в мире боец; да, я биться хочу. / Смотрите: я бросил уж лиру; / Я меч захватил и открыто лечу / Навстречу нечистому миру» [2, с. 90].

Итак, рассмотренные в совокупности отзывы В.Г. Белинского о творчестве В.Г. Бенедиктова позволяют точно определить сущность литературного факта лирики «неистового романтика» через призму крити-

ческой концепции В.Г. Белинского в разные периоды его деятельности и с учётом «узловых» противоречий литературного процесса в России в 30-40-е годы XIX века, а выявленное «тайное сродство» обнаруживает неоднозначность творческой индивидуальности Белинского, тоже бывшего в молодости под сильным влиянием романтических настроений в литературе, и даже после начала карьеры критика и обращения к реализму не утратившего пылкости характера и потому названного Н.А. Некрасовым «неистовым Виссарионом». По сути, в оценках творчества Бенедиктова по «меркам» «натуральной школы» и с точки зрения соответствия произведения «русской истории, обычаям, языку» отразилась и эволюция взглядов Белинского, эстетическая мысль которого «вырасталась из опыта и наследия декабристской эстетики» [5, с. 160]. В то же время национальное своеобразие, присущее поэтическому стилю Бенедиктова наряду с эротизмом и «вычурами», свидетельствует о соответствии его произведений культурному стилю 1830—1840-х годов и актуальности их дальнейшего историко-литературного изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц).
2. Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Сост., подгот. текста, примеч. Б.В. Мельгунова. Вступ. ст. Ф.Я. Приймы. – Л.: Советский писатель, 1983. – 815 с.
3. Карпенко Г.Ю. Трепет как эстетическая категория в творчестве В.Г. Белинского: онтология «художественного» (К 195-летию со дня рождения В.Г. Белинского) [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Выпуск «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 282-288: [сайт]. [2006]. URL: <http://www.phil63.ru/trepet-kak-esteticheskaya-kategoriya-v-tvorchestve-v-g-belinskogo>. (дата обращения: 26.11.2012).
4. Курилов А.С. Кольцов и Белинский // А.В. Кольцов и русская литература: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Осьмаков. – М.: Наука, 1988. – С. 77-93.
5. Мезенцев П. Белинский и эстетические традиции декабристов // Русская литература. – 1965. – № 2. – С. 155-162.

6. Минералов Ю.И., Васильев С.А. Национальное как фактор художественности в русской литературе. — М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2010. — 184 с.
7. Осанкина В.А. Поэзия Владимира Бенедиктова в оценке В.Г. Белинского. — Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 1989. — 16 с.
8. Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. — Т. 1. XVIII — первая четверть XIX в. — СПб: Наука, 1999. — 368 с.
9. Пилипчук Е. Д. Поэзия В.Г. Бенедиктова в историко-литературном процессе 30-70-х годов XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2003. — 247 с.
10. Рамазанова Г.Г. Поэзия В.Г. Бенедиктова в оценке московской и петербургской критики 1830-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия «Русская филология». — 2011. — № 2. — С. 112-116.
11. Чернышевский Н.Г. Собрание стихотворений В. Бенедиктова. Три тома // Чернышевский Н.Г. Литературная критика: в 2 т. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 15-31.
12. Шевырёв С.П. Стихотворения Вл. Бенедиктова // Московский Наблюдатель. — 1835. — Ч. 3. — С. 439-459.
13. Штейнгольд А.М. Феномен Бенедиктова в критике Белинского // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Отв. ред. А. Мальтс. — Тарту: Тартуский университет, 1992. — С. 264-273.
14. Berczinski T.S. V.G. Benediktov's literary debut : A different drum // Russian. literature triquarterly — Ann Arbor, 1990. — N 23. — P. 287-301.

УДК 82-2

Никонова Н.А.

Ульяновский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЖАНРОВОЙ ТЕОРИИ В ДРАМАТУРГИИ

N. Nikonova

Ulyanovsk State University

PECULIARITIES OF THE GENRE THEORY APPLICATION IN DRAMA

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема жанровой классификации в драматическом роде литературы, анализируются основные факторы, затрудняющие исследование жанровой природы произведения, и обосновывается значимость жанрового определения. Также в статье представлена эволюция взглядов исследователей на проблему жанра в драматургии. Особое внимание уделяется принципам жанровой классификации с учётом разрушения жанрового канона. Автор приходит к выводу, что традиционное выделение жанров драматургии в соответствии с пафосом не отвечает сложной жанровой организации драматургических произведений вне рамок классицизма. Для выявления их жанровой природы необходим ряд критериев.

Ключевые слова: теория жанра, жанровая классификация, драма, жанры драматургии, жанровое ожидание.

Abstract. The article considers the problem of genre classification in drama, analyzes the main factors hindering the study of genre nature of the literary work and justifies the importance of genre definition. Also the article traces the evolution of the views of researchers on the problem of genre in drama. Particular attention is paid to the principles of genre classification considering destruction of genre canon. The author comes to the conclusion that the traditional selection of dramatic genres in accordance with pathos does not meet the complex genre organization of dramatic works outside of classicism. In order to identify the nature of their genre a number of criteria is required.

Key words: genre theory, genre classification, drama, genres of drama, genre expectation.

Вопрос о жанровой природе произведения актуален в современном литературоведении. Многие исследователи обращаются к изучению жанрового своеобразия отдельных произведений. В данной статье мы ставим целью прояснить те исходные теоретические положения, от которых могли бы отталкиваться подобные исследования в области драматургии. В центре нашего внимания вопрос о принципах жанровой классификации в драматическом роде литературы.

В соответствии с целью в статье решается ряд задач:

- 1) обосновать значимость жанрового определения для произведения;
- 2) выявить факторы, затрудняющие исследование жанровой природы произведения;
- 3) проследить эволюцию жанровой теории в области драматургии.

В теории жанров существует множество подходов. Вместе с тем под сомнение не ставится важность жанрового определения и ценность изучения жанрового своеобразия произведения. На уровне жанра взаимодействуют особенности содержания и формы произведения, новаторство автора и литературная традиция, ожидание читателя и многое другое. Следовательно, проникновение в тайну жанровой природы произведения было бы полезно лите-

© Никонова Н.А., 2013.

ратуроведам, чьи исследования затрагивают самые разные аспекты литературного произведения.

Жанровое определение представляется значимым и с позиции читателя с его «наивным», неосознанным восприятием информации, которая заложена в жанровом определении, и реакции на неё. Последнее представляется нам особенно актуальным именно в драматическом роде литературы, ориентированном на специфические условия функционирования текста (живое театральное представление).

Чтобы подчеркнуть важность жанрового определения в драматургии, обратимся к высказыванию искусствоведа В.А. Сахновского-Панкеева: «Жанровое определение, данное автором, экспонирует пьесу, являясь для зрителей своего рода эмоциональным камертоном. <...> Современные драматурги расширяют значение жанрового подзаголовка – от чистой информации он поднимается до обобщения образной структуры» [7, с. 77]. Жанровая форма во многом определяет особый тип эмоционально-психологического воздействия произведения на зрителей, вызывает определённое жанровое ожидание, которое сформировано личным художественным опытом, но в рамках культурной традиции. По словам Л.В. Чернец, «в авторских жанровых обозначениях читатель слышит не столько голос автора, сколько отзвуки прочитанных ранее произведений, принадлежавших к данному жанру» [14, с. 3]. Именно в драматургии, на наш взгляд, существование жанровой традиции находит живое открытое подтверждение в сходной массовой реакции публики, в одинаковом спонтанном эмоциональном отклике большого количества людей.

Ценность жанрового обозначения в драматургии определяется также тем, что оно является одним из немногих средств общения читателя (зрителя) и писателя, доступных в драматическом роде литературы. Драматург, как известно, ограничен в возможностях звучания авторского голоса.

Выбор драматургом определённого жанра может многое сказать исследователю и внимательному читателю об авторском отношении к самым разным сторонам бытия.

Представляется обоснованным вывод А.И. Журавлёвой о важности для драмы «жанровой определённости», которая в то же время не означает необходимости «чистоты жанра» [4, с. 6]. В условиях литературного процесса, последовавшего за эпохой эстетики классицизма, отказ от чистоты жанра играет ключевую роль. Мы наблюдаем размывание жанровых границ, которое привело к серьёзным смещениям в области драматургических жанров. Однако это не единственное препятствие, создающие трудности жанровой классификации драмы.

Следующие факторы затрудняют не только решение вопроса о жанровой классификации в драматургии, но и теоретическое описание понятия жанра в целом.

1. Разнообразие жанров и отсутствие при этом единых критериев их выделения. Жанровые обозначения фиксируют разные стороны произведений, имеют различный объём значимых формальных и содержательных признаков.

2. Специфичность жанров в каждой художественной культуре.

3. Стихийное возникновение жанровых обозначений, в том числе авторские жанровые обозначения.

4. Разный исторический объём жанров: «жанры являются либо универсальными, либо исторически локальными» [13, с. 358].

5. От эпохи к эпохе меняется значение того или иного жанра в литературном процессе. В частности, в русской литературе XVIII и первой половине XIX века ведущим жанром исторической драматургии была трагедия. В середине XIX века трагедия казалась безнадежно устарелой.

6. Взаимодействие жанров в процессе исторического развития: тот или иной жанр начинает использовать приёмы и средства других жанров и даже родов литературы, образуя некую смешанную, синтетическую форму.

7. Эволюция признаков того или иного жанра от эпохи к эпохе. Современный исследователь Н.Д. Тмарченко говорит в связи с этим о проблеме соотношения между двумя значениями термина «жанр» (как теоретической модели и реального исторического варианта). Эта проблема вызвала кризис в русской теории жанра в эпоху формализма. В частности, Ю.Н. Тынянов пришёл к мысли, что признаки, отличающие один исторический вариант жанра от другого, предшествующего или последующего, гораздо существеннее, чем постоянные свойства жанра. А следовательно, создавать надысторическую модель жанра нецелесообразно.

8. Не только каждый конкретный жанр, но и само понятие жанра – исторически изменчивое явление.

Категория жанра – явление, исторически возникшее и развивающееся. С.Н. Бройтман описывает три этапа дифференциации жанров. Деление первых жанров было функционально-тематическим. Позже сложились формальные жанровые признаки, жанровый канон. Переход от ритуального жанра к литературному осуществлялся постепенно, между ними возникали «разного рода градации и промежуточные звенья» [10, с. 107]. Регламентация, максимальная упорядоченность жанров достигла высшей степени в эпоху классицизма.

Ряд учёных говорит о размывании жанровых границ и даже «атрофии жанров» в литературе XIX–XX веков: «Жестко регламентированные структуры всё реже используются писателями <...> и главными представителями эпоса, лирики и драмы становятся гибкие “синтетические формы” романа, стихотворения, пьесы, которые трудно отнести к какому-либо традиционному жанру» [14, с. 5]. Подобная диффузия жанров в литературе последних веков связана с утратой жанрового канона. Жанры стали гибкими. Но жанровая дифференциация не утрачивает своего значения: сохранившаяся традиция авторских жанровых обозначений указывает на то, что жанр остаётся «живой реальностью

сознания многих писателей и читателей» [14, с. 6]. Формируется новое понимание жанра: «из абстрактного классифицирующего принципа жанр в идеале должен превратиться в меру целостности самого произведения», когда жанровое определение становится «не исходной точкой, а итогом творческого акта» [10, с. 316]. Следовательно, мы можем говорить о двух типах жанровых структур – канонических и неканонических жанрах.

Драматических жанров в полной мере касается процесс разрушения жанрового канона на рубеже XVIII–XIX веков. В это время произошла смена классической драмы неклассической. «Попытки увидеть в драматургии XIX–XX вв. ту же художественную логику, на которой строилась драма древности, Средневековья и эпохи классицизма, ведут к неадекватным трактовкам» [10, с. 305]. Первым признаком появления новой драмы стали «слёзные комедии» и «мещанские трагедии». Окончательное утверждение новых драматических форм произошло в конце XIX – начале XX в.

Н.Д. Тмарченко считает, что вопрос о канонических и неканонических жанрах в области драматургии – это вопрос о соотношении господствующего в последние столетия жанра драмы с традиционными жанрами трагедии и комедии. Так, например, трагедия уже в начале XIX века воспринималась как устаревшая форма, тогда как драма вплоть до середины XIX века широкого распространения не получила, поэтому многие художественные функции драмы взяла на себя комедия, оказавшаяся в итоге необычайно широкой по содержанию.

В драматическом роде литературы жанровое деление традиционно принято связывать в первую очередь с пафосом. Пафос возникает из сущности конфликта, природа которого различна в трагедии, драме и комедии. В трагедии конфликт происходит в сознании главного героя, который борется не только с другими персонажами, но и с самим собой. Пафос драматизма порождает столкновение героя с внешними препятствиями. Внутрен-

ний мир героя драмы не включает неразрешимой внутренней борьбе.

Юмористический или сатирический пафос комедии создаётся комическими противоречиями характеров. Комизм раскрывается в сюжетных конфликтах, часто основанных на случайностях. В комедии нет развития характеров. Воссоздаваемому в комедии миру противостоят идеалы автора, которые могут выражать положительные герои, но иногда единственным положительным персонажем может быть лишь смех.

Учитывая сложность и многогранность понятия «жанр», названный подход представляется ограниченным. Неканонические жанры, синтетические по своей природе, не могут опираться на пафос как единственный критерий. Для уяснения этой проблемы полезно сопоставление различных взглядов на специфику драматических жанров.

Г. Гегель в «Эстетике» определяет содержательные особенности драматических жанров и устанавливает точки соприкосновения их с эпическими жанрами. Они могут составлять группы родственных жанров, различающиеся родовыми признаками и объединяемые содержательной направленностью. Гегель замечает, что героев романтических трагедий нельзя отождествлять с героями героических трагедий, так как в их действиях нет субстанциональных начал, т. е. нет пафоса жертвенности во имя сверхличного. Их цели субъективны. В греческой трагедии резко осуждается своеволие героев, их субъективные стремления, нарушение общественных норм во имя личных интересов.

Пафос не может быть основным признаком драматического жанра, так как трагическая ситуация может присутствовать и в романе. Выделение жанров в драматургии (так же как в других родах), Гегель основывает на понятии субстанционального и субъективного. Если, например, в трагедии Эсхила «Орест» Клитемнестра не понесёт кары за своё преступление, это будет несправедливостью, затрагивающей всеобщие интересы, так как Клитемнестра посягнула на некие субстан-

циональные отношения (семью). С другой стороны, неудачная любовь некоего мужчины к некоей девушке не означает несправедливости, потому что касается только данного индивида и является «в высшей степени случайным фактом и произволом субъективности, не имеющим распространения и всеобщности» [3, т. 2, с. 281].

В качестве критериев различения жанров Гегель называет «общее состояние мира», отношение автора к своему предмету, основную коллизию жанра, характеры. Так, например, в облике действующих лиц в драматических жанрах воплощаются определённые представления: в комедии это костные черты, недостатки, пороки, а в трагедии – высокие нравственные принципы и нормы поведения. В целом Гегель призывает строить типологию жанров на содержательных критериях.

Б.В. Томашевский, будучи представителем формализма, выделяет жанры драматургии преимущественно по формальным показателям. Для трагедии таковыми являются исторические герои, «высокая тематика», трагическая развязка, преимущество монолога, особый стиль театральной декламации и т. п. Комедию отличает современная тематика, «низкие» эпизоды, счастливая развязка, преобладание диалога, «сыгранность» труппы, а не только высокие качества отдельных актёров, «насыщенная игровая канва, требующая большого движения персонажей» [11, с. 216].

Увеличение драматических жанров в XVIII в. Б.В. Томашевский связывает с проникновением в театр «низших, ярмарочных» жанров: комедии-буффонады, водевиля, пародии и т. п., которые явились источником современного фарса, оперетки, миниатюры. Из комедии выделяется драма – «пьеса с современной бытовой тематикой, но без специфического “комизма” положения. [11, с. 216]. К началу XIX в. под влиянием романтизма в трагедию входят комедийные приёмы. Наследником трагедий в XIX в. выступают исторические хроники.

У М.М. Бахтина основным жанрообразующим фактором выступает историческое время: «Осваивались отдельные стороны времени и пространства <...> вырабатывались и соответствующие жанровые методы отражения» [1, с. 234]. Эти жанровые формы продуктивны в момент появления, но потом они становятся неадекватными меняющимся историческим условиям. Однако они продолжают существовать, так как закрепляются традицией. Большинство жанров получены современной литературой «по наследству в готовом виде и только приспособляются – одни лучше, другие хуже – к новым условиям существования» [1, с. 448].

В частности трагедию Бахтин относит к «глубоко состарившимся жанрам <...> с твёрдым и уже мало пластичным костяком» [1, с. 448]. Во всей эпохе своего развития такие жанры сохраняют устойчивость и каноничность. Вариации не задевают их «костяка». Единственным неканоническим жанром, на котором сосредоточился Бахтин, стал роман. Современную эпоху литературного развития он видит как эпоху господства романа, в присутствии которого происходит разложение старых жанров. Существование аналогов романа в драматургии и лирике оговаривается Бахтиным, но проблема неканонических жанров драматургии не получает освещения в его подходе и ждёт своего исследователя.

В отличие от формалистов у Бахтина жанры представляли не как комбинации формальных приёмов, а как «формы видения и осмысления определённых сторон мира» [2, с. 351]. Более того, Бахтин склоняется к доминанте содержательного критерия для романа и его аналогов в драматургии и лирике, художественная форма которых определяется закономерностями их содержания.

Г.Н. Пospelов отмечает необходимость строго различать в произведении жанровое содержание (героическое, романтическое, сатирическое и т. п.) и жанровую форму, отличительной чертой которой является замкнутость в рамках определённого литературного

рода. В драматургии жанровыми формами будут пьесы фольклорные и литературные; стихотворные и прозаические; сценические и «драмы для чтения». Позже Пospelов откажется от понятия жанровой формы, заменив его понятием «родовой формы» [6, с. 16]. Под жанровым содержанием Пospelов понимает прежде всего «типологический, исторически повторяющийся аспект проблематики произведений» [6, с. 15]. Таким образом, совершенно разные по форме произведения могут относиться к одному жанру благодаря общности их жанрового содержания.

Г.Н. Пospelов отмечает, что применение его жанровой теории в драматургии встречает некоторые трудности, но возможно: трагедии могут принадлежать к любой из четырёх выделенных им групп; драмы могут быть пьесами национально-историческими или романтическими; комедии принадлежат к нравоописательным жанрам.

К условности понятия жанровой формы склоняется и В.В. Основин. Жанровыми формами драмы исследователь называет семейно-бытовую драму, историческую драму, философскую драму и т. д. Условность этого деления связана с тем, что жанровая форма указывает лишь на одну характерную особенность произведения. Так, например, бытовая драма может поднимать и комплекс исторических, философских проблем, может быть по своему характеру и романтической, и лирической.

Несомненным достоинством подхода Основина является отказ от единственного критерия при разграничении жанров. Исследователь предлагает три критерия жанровой дифференциации в драматургии:

1) тип драматургического конфликта и особенности его разрешения. Конфликт определяет не только своеобразие действия, но и «особый тип эмоционально-психологического воздействия его на зрителей» [5, с. 172];

2) тип личности героя. В.В. Основин подчёркивает, что «психологический склад личности, её воля играет не последнюю роль в

создании определённых типов и форм жизненных столкновений и конфликтов и в силу этого имеет непосредственное отношение к вопросам о типологических признаках жанров драматического искусства» [5, с. 172];

3) эстетический угол зрения, под которым оценивается всё происходящее в произведении.

Авторитетный исследователь теории жанра Н.Д. Тамарченко предлагает решить вопрос о различии трёх основных жанров драматургии, опираясь на точку зрения М.С. Кургиян [8, с. 253-264], а именно: исходя из соотношения между развитием действия и обрамляющими сюжет ситуациями – начальной и конечной. В комедии происходит «исправление» начальной ситуации, возврат к норме. Ей как жанру свойственна «категория весёлого обмана». Такой обман – отклонение от нормы, но временное и «являющееся необходимым условием сохранения и утверждения этой нормы» [9, с. 411]. В трагедии исходная ситуация разрушается. Перед нами «не временное отклонение от некоей нормы или не столкновение правды с обманом, а противоборство двух правд» [9, с. 411]. Победа одной из правд достигается ценой жизни героев.

В драме же действие направлено на прояснение неизменной исходной ситуации. Принцип «прояснения» в драме – это «исторически новый принцип изображения» [9, с. 412]. До рубежа XVIII–XIX веков герой оставался неизменным. В драме происходит изменение героя как субъекта действия, смена его точки зрения. С этим связано и структурное изменение в драматических жанрах: появление «внутреннего» действия.

Таким образом, не отказывая пафосу в значении для жанровой классификации

в драматургии, в условиях постклассического литературного процесса необходимо всё-таки опираться на ряд критериев для прояснения тонкой жанровой организации драматического произведения, выявления моментов жанрового синтеза, когда сквозь внешние признаки одного жанра просвечивают элементы другого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Гегель Г. Эстетика: в 4 тт. – М.: Искусство, 1968 – 1973.
4. Журавлёва А.И. Островский – комедиограф. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 216 с.
5. Основин В.В. Русская драматургия второй половины XIX века. – М.: Просвещение, 1980. – 190 с.
6. Поспелов Г.Н. Типология литературных родов и жанров // Вестник Московского университета. – Серия IX. Филология. – 1978. – № 4. – С. 12-18.
7. Сахновский-Панкеев В.А. Драма. Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь. – Л.: Искусство, 1969. – 252 с.
8. Тамарченко Н.Д. Русский классический роман XIX в. Проблемы поэтики и типологии жанра. – М.: РГГУ, 1997. – 203с.
9. Теория литературы: в 2 тт. / Н.Д. Тамарченко и др. – Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 510 с.
10. Теория литературы: в 2 тт. / Н.Д. Тамарченко и др. – Т. 2. Историческая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 360 с.
11. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 334 с.
12. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
13. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.
14. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.

УДК 821.161.1-3

Червоненко С.М.

Московский государственный областной университет

ОБРАЗ МОНАХА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ МАЛЫХ ЖАНРОВ

S. Chervonenko

Moscow State Regional University

IMAGE OF MONK IN MODERN SMALL GENRES PROSE

Аннотация. В данной статье автор обращается к произведениям о нелёгких путях монашеского служения. Исследуются рассказы современных пишущих авторов-священников: архимандрита Тихона (Шевкунова), священников Владимира Чугунова и Ярослава Шипова, протоиерея Саввы Михалеви́ча. В выбранных для анализа текстах выделяются особенности поэтики повествования у каждого из художников, конспективно намечены параллели с творчеством писателей XIX века. Отмечаются своеобразные художественные результаты, благодаря которым писатели погружают читателей в глубокие религиозно-философские вопросы христианской жизни.

Ключевые слова: персонаж, монах, духовность, нестяжательность, смирение, религиозные вопросы, художественная деталь, молитва, покаяние.

Abstract. The author of the article analyses short stories by contemporary writers: an archimandrite Tikhon (Shevkunov), priests Vladimir Chugunov, Yaroslav Shipov, an archpriest Savva Mihalevich, which tell about a difficult path of monastic service. The peculiarities of each author's poetic style and narration are sorted out in the selected works. Also some parallels between these authors and writers of the 19th century are outlined. There author of the article mentions the original artistic results due to which the writers immerse readers in thoughts about deep philosophical problems of religion and Christian life.

Key-words: character, monk, spirituality, generosity, humility, problems concerning religion, stylistically relevant detail, prayer, confession, repentance.

Начиная с житийной литературы и до нынешних дней тема монашеской жизни остаётся актуальной. Достаточно вспомнить героев А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова.

К религиозно-философской проблематике обращались в своих произведениях многие художники Серебряного века. Одной из основополагающих она стала в творчестве писателей Русского зарубежья. В произведениях И.С. Шмелёва и Б.К. Зайцева с разных ракурсов и каждым художником по-своему изображены монастыри и их насельники.

В постсоветской России общество получило доступ к духовной деятельности, возродилась практика монастырского служения. В XXI веке наблюдается повышенный интерес к религиозным темам в творчестве светских и воцерковлённых писателей. Особого внимания заслуживают произведения авторов, имеющих священнический сан. В своём творчестве они по-разному, многосторонне раскрывают образ монаха, сочетая приёмы проповеди и художественного повествования, раскрывая глубокие вопросы веры, духовного становления личности в современном обществе и её противостояния соблазнам мятущегося мира.

Рассказы протоиереев Николая Агафонова, Саввы Михалеви́ча, священников Александра Дьяченко, Владимира Чугунова, Ярослава Шипова, архимандрита Тихона (Шевкунова) погружают читателя, только что обращенного к вере или далёкого от неё, в удивительный мир

© Червоненко С.М., 2013.

церковной жизни с её укладом, обрядами и таинствами, некоторым читателям помогают встать на путь духовного возрастания.

Писатели-священники создают ряд художественных образов монахов – от простого послушника до Патриарха. Некоторые авторы строят повествование, прибегая к ретроспекции, что позволяет им создать атмосферу исторической эпохи, передать её достоверные приметы. Таковы произведения архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые и другие рассказы», протоиерея Николая Агафонова «Оборотень» [1, с. 253–273], «Отшельник поневоле» [1, с. 420–470], священника Александра Дьяченко «Острова» [2, с. 69–81], «Эти глаза напротив» [2, с. 340–357].

Галерея насельников Псково-Печерского монастыря представлена в книге «Несвятые святые и другие рассказы». В ней архимандрит Тихон (Шевкунов) воссоздаёт неповторимую внутреннюю атмосферу обители. С тонким чувством юмора повествователь описывает начало собственного монашеского опыта, представляет читателям каждого героя, давая краткие, но ёмкие характеристики. Здесь и только что прибывшие трудники, ещё не определившиеся на жизненном пути, но уже запутавшиеся в сетях светских соблазнов, и весёлые послушники. Но главное внимание приковывают к себе старцы: «углублённый в молитву» [7, с. 76], замкнутый и суровый на первый взгляд, но необычайно добрый архимандрит Серафим; «могучий старый лев с пламенно-рыжей густой гривой» [7, с. 116], «глубоко чувствующий, сколь важны для живых и усопших церковные молитвы» [7, с. 116], отец Антипа; «удивительный и таинственный подвижник» [7, с. 106] – схиигумен Мелхиседек; заместники отец Гавриил и отец Алипий; обретший настоящую славу в православном мире отец Иоанн (Крестьянкин). Отец Тихон увлекает читателя лёгкостью и непосредственной эмоциональностью изложения, раскрывая самые неожиданные стороны строгой подвижнической жизни.

Все герои как будто дополняют друг друга, отображая лучшие качества монашества. Наиболее ярко это воплотилось в характере «очень вредного» [7, с. 83] «худенького, с острым пронзительным взглядом» [7, с. 83], казначея – отца Нафанаила. Даже внешность этого «церковного бюрократа» [7, с. 84] «зимой и летом в старой застиранной рясе с рваным подолом» [7, с. 83] призвана подчеркнуть его нестяжательность. Акцентируя внимание на юмористической стороне, автор ведёт читателя к осознанию подвижничества монахов. В своеобразном Плюшкине «с холщёвым мешком за спиной» [7, с. 84] скрыты необычайные духовные силы. Герой исполняет бесчисленно много послушаний, ему присущ строжайший аскетизм: «например, никто, никогда не видел, чтобы он пил чай, – только простую воду» [7, с. 85], спал только сидя, «а чтобы не нежиться в кровати, предпочитал поспать в снегу» [7, с. 88], и при этом не допускал «никого в своей сокровенный внутренний мир» [7, с. 88].

Особое место в книге отводится иеромонаху Рафаилу (Огородникову), в котором сочетались внутренняя духовная сила и весёлый нрав, подвижнический аскетизм и юродство – с гоночной страстью. Многогранный образ отца Рафаила привлекал очень многих. По своему раскрывает характер этого же героя в своём рассказе «Крестный путь отца Гавриила» [6, с. 30–38] протоирей Савва Михалевич, делая упор на трагичности судьбы, тогда как архимандрит Тихон акцентирует внимание на шутливых, весёлых эпизодах тернистого пути своего друга. Но оба автора единомысленны в неординарности личности героя, который своей глубокой верой и подвижническим образом жизни приводил многих заблудших, потерявших истинные ориентиры в лоно Матери Церкви. Отец Тихон уже в названии двумя словами даёт характеристику своему другу, называя его «возопившим камнем», аллегорично намекая, что именно на таких Своих служителях Господь созиждет Свою Церковь.

Организуя повествование по законам выбранного жанра, писатель получает уникаль-

ную возможность через автобиографического героя полностью показать весь нелёгкий путь от полного неверия до отречения от этого суетного мира и принятия монашества. В увлекательной манере автор описывает некоторые испытания, падения и успехи, обращаясь в первую очередь к неискущённому в духовной брани читателю. Всё повествование носит ярко выраженное миссионерское направление.

Многие писатели-священники обращаются к теме старчества, изображая не только уже канонизированных святых, например, Оптинских Старцев, но и современных подвижников веры. Мы уже упоминали почившего, так хорошо известного православному миру отца Иоанна (Крестьянкина). Не менее любимый духовник Троице-Сергиевой Лавры – архимандрит Кирилл (Павлов) – оставил неизгладимый след во многих сердцах. Его образ ярко запечатлен священником Александром Чугуновым в рассказе «Старец». Охарактеризовав оптинского подвижника старца Макария, автор плавно перекидывает мостик в современность, выделяя более чем строгую фигуру духовника патриарха Алексия II.

Простота сюжета призвана усилить атмосферу таинства исповеди и тем самым раскрыть характер главного героя. Как на жертвеннике совершается подготовительная часть литургии – проскомидия, так в покаянии, когда «душа распинается. Вся она тут перед Судией» [9, с. 246], она готовится к главному таинству – Евхаристии. Каждая деталь подчёркивает «внушительно-скромный» [9, с. 246] образ седого монаха с отрешённым лицом, «внушительнее всякой строгости» [9, с. 246], за которым скрыты напряжённая молитва и глубокая тайна покаяния. Всё священнодействие происходит в алтаре, где царит напряжённая тишина внутреннего духовного преображения. Заканчивая повествование многоточием, автор придаёт ситуации некоторую загадочность.

Оба писателя избирают очерковый жанр с определённой целью – навести мосты меж-

ду двумя мирами: светским и духовным, не вдаваясь, как, например, И.С. Шмелёв, в глубины духовного становления личности, выбравшей монашеский путь служения.

Отец Ярослав Шипов раскрывает образ монаха по-своему, почти не изображая монастырскую жизнь. Духовные аспекты жизни даются через внутренний мир персонажей. Автор выстраивает увлекательные сюжетные звенья в соответствии с требованиями художественного повествования.

Исключение составляет только рассказ «Сила немощи». Но и здесь писатель остаётся верен себе, лишь в нескольких фразах пожилого игумена обрисовывая обитель, в которой наряду со строгостью уставной жизни царят мягкий юмор и доброта. Поэтому в своём настоятеле насельники видят настоящего заботливого отца, который относится ко всем послушникам, независимо от их возраста, «как к малым детям, называя их разбойниками, непослушниками и другими подобными именами» [10, с. 290].

Стержнем повествования становится чудесное спасение ребёнка молодым монахом. Облик последнего обозначен несколькими лаконичными фразами. Автор называет его «смиреником с большими, как блюдца, не то серыми, не то голубыми глазами» [10, с. 291]. Но смирение и детская простота в нём сочетаются с глубоким духовным потенциалом, недаром он сидит по правую руку уже пожилого игумена, настоятеля монастыря. Его внутреннее возрастание подчёркивает былая принадлежность старообрядцам и уход из раскольнической церкви уже в сознательном возрасте.

Писатель упоминает в одной реплике монаха о спасении ребёнка, не раскрывая до конца чудесного смысла произошедшего: «Да я, батюшка, плавать не умею нисколько: у меня на родине вода ледяная – не для купания» [10, с. 293], – признаётся «смиреник». Таким образом, через весь рассказ проходит одна из самых глубоких и сложных тем – тема чуда, в данном случае спасения ребёнка. О. Ярослав, будучи священником, остро чув-

ствуется мистическую сторону христианской жизни, тем не менее, тактично замечает, что «нам не заповедано искать чудес» [8, с. 14]. Герой с трепетом относится к произошедшему, понимая, что его заслуги в этом нет: «Думаю, Господь хотел сохранить мальчонку – и сохранил. А что я немог, так это для Бога пустяк» [10, с. 293], – рассуждает монах.

Весь финальный диалог имеет важный содержательный акцент. Заканчивая всё повествование евангельской цитатой, – «сила Божия, как известно, в немощи совершается» [10, с. 292], – автор противопоставляет изображённую картину современному стилю поведения, когда очень многое строится на достижении успехов с позиции силы.

В другой манере написан рассказ «Овсяное печенье». Используя жанровые особенности «рассказ в рассказе», автор обращается к проблеме истинно духовного и лишь внешнего исполнения церковного устава. Эту тему заостряли писатели XIX века. Достаточно вспомнить старца Зосиму и отца Ферапонта в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского.

Отец Ярослав на контрасте изображает двух духовных лиц: умудрённого опытом архимандрита, «известного крайней строгостью по отношению к себе и безграничной доброжелательностью ко всем остальным людям» [10, с. 304], напоминающего старца Зосиму, и совсем ещё «молоденького пономаря», который по своему лишь внешнему аскетизму сопоставим с отцом Ферапонтом.

Но если у Достоевского оба героя монахи, то о. Ярослав изобразил юного «борца за веру», который молод, прямолинеен и весьма далёк от монашеского подвига. Он стал священником, но всё его служение только рационалистическое, головное, без сердечной любви, и это чувствуют все прихожане, поэтому он с людьми не уживается и меняет один приход за другим. Описывая своего героя, автор заключает, что набор знаний, даже богословских, отличные оценки в семинарии не всегда становятся отправной точкой духовного роста и истинной веры. Скрупулёз-

но соблюдая внешние правила, он забывает о самом главном и продвигается к неминуемым падениям.

В келье старца во время празднования памяти о победном сражении, молодой выпускник семинарии начинает осуждать. Именно с «видимой осудительностью» [10, с. 305] юноша взирает на происходящее. Автор, описывая одну из годовщин Сталинградской битвы, в которой принимал непосредственное участие архимандрит, упоминает и о пятидесяти фронтовых граммах «за победу!». Такое отступление от уставного правила вызывает протест пономаря, поэтому он якобы присоединяется к архимандриту, не участвующему в этой трапезе. Но герои противопоставлены друг другу, т. к. старец не принимает участия в «пиршестве» «по привычной склонности к аскетизму» [10, с. 305]. Именно эта внутренняя потребность является главной причиной неучастия в застолье, становясь дополнительным ярким штрихом к портрету архимандрита.

«Укорительно» молодой человек отказывается и от овсяного печенья, предложенного ему хозяином кельи. Их диалог становится кульминацией повествования. На категоричное заключение пономаря о пищевом составе всё того же печенья, которое включает, как утверждает коробочная упаковка, яичный порошок, батюшка с улыбкой отвечает: «А у нас его продают в пакетах, и на пакетах ничего не написано, так что я – ем» [10, с. 309]. Этой фразой автор заканчивает повествование, тем самым ненавязчиво, но вполне прозрачно подчёркивая пагубность стремления только к внешнему благочестию, без внутренней духовной сосредоточенности.

Приём контраста становится ещё ярче в финале, когда раскрывается бесславное служение молодого священника и истинная глубина веры умудрённого архимандрита, полностью отрешившегося от мира и общения с ним, принявшего схиму – поистине ангельский образ.

Рассказы священнослужителей освещают нелёгкие пути духовного становления

и совершенствования. Наполняя художественное пространство своих произведений элементами церковного обихода, писатели передают неповторимый, уникальный в своём роде мир церкви, монастырской обители, который читателю открыт не созерцанием светского человека, а именно священника, монаха. Вынесенные в заглавия детали-символы становятся «мощным прожектором, в свете которого видны единство художественного целого, присутствие автора в композиции» [3, с. 313]. Через своих героев священники воссоздают удивительную атмосферу монашеской жизни. Отнюдь не призывая своих читателей принять постриг, они побуждают задуматься над своим жизненным путём, соответствует ли он христианской жизни и евангельским истинам, носителями которых являются истинные монахи.

Мы подробно остановились только на нескольких произведениях, в которых писатели прибегают к такому приёму, когда «принципы эстетического отбора и сочетания форм литературной речи образуют своеобразное литературно-художественное единство» [4, с. 127]. Эта органическая цельность повествования обеспечивает непосредственную

заостренность внимания на религиозно-философских вопросах, даёт возможность приблизить читателя «к пониманию, к прочувствованию сердцем и душой православных истин бытия, на которых <...> зиждется всё земное существование» [5, с. 21].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агафонов Николай, протоиерей. Отшельник поневоле. – М.: Сретенский монастырь, 2009. – 656 с.
2. Дьяченко Александр, священник. Преодоление. – М.: Никея, 2011. – 480 с.
3. Введение в литературоведение. / Под ред. Л.В. Чернец. – М.: Академия, 2011. – 720 с.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 2005. – 288 с.
5. Макарова Л.А. Воцерковленная Россия И.С. Шмелева. Малые жанры прозы. – М., 2012. – 142 с.
6. Михалевиц Савва, протоиерей. Год на сельском приходе. – М.: Благо, 2004. – 160 с.
7. Тихон (Шевкунов), архимандрит. "Несвятые святые" и другие рассказы. – М.: Сретенский монастырь, 2011. – 640 с.
8. Фудель С.И. Записи о литургии и церкви. – М.: Русский путь, 2009. – 112 с.
9. Чугунов Владимир, священник. Дыхание вечности. – Николо-Погост: НООФ «Родное пепелище», 2008. – 320 с.
10. Шипов Ярослав, священник. Первая молитва. – М.: Сретенский монастырь, 2011. – 624 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА

Д 212.155.02

*по русскому языку, теории и методике обучения русскому языку
(специальности 10.02.01 – русский язык, 13.00.02 – теория и методика обучения
и воспитания [русский язык])*

при Московском государственном областном университете в 2012 году

Диссертационный совет Д 212.155.02 энергично и плодотворно работал в 2012 году, провёл 25 заседаний, из них 21 – по вопросу о защите диссертаций.

Рассматривались диссертации соискателей учёных степеней в соответствии с профилем диссертационного совета, которому было разрешено принимать к защите докторские и кандидатские диссертации по специальностям 10.02.01 – русский язык, 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык), по филологическим и педагогическим наукам.

Диссертационный совет рассмотрел одну диссертацию на соискание учёной степени **доктора филологических наук** (по специальности 10.02.01 – русский язык), подготовленную докторантом кафедры современного русского языка Иосифовой Верой Евгеньевной, на тему: «Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи» (1 марта 2012 г.). Научный консультант – Председатель данного совета, заведующий кафедрой современного русского языка МГОУ, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук профессор П.А. Лекант.

Докторская диссертация В.Е. Иосифовой посвящена функционированию императива. В ней впервые предложена целостная классификация видов побуждения, основанная на комплексе выявленных автором признаков, представлена система семантико-прагматических вариантов (интерпретаций) основных побудительных высказываний – приказ, запрет, разрешение, инструкция, просьба, требование, совет, предостережение, предложение, призыв. Диссертантом выявлены и описаны компоненты императивной ситуации. В.Е. Иосифовой установлена система лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих выбор той или иной формы императивного высказывания, указаны грамматические средства, охарактеризованы не только лексико-грамматические, но и другие языковые факторы, актуальные для функционирования императива. Автор дал оценку влиянию экстралингвистических факторов, прежде всего социальных, обстановки общения (официальная и неофициальная), роли общественного положения говорящего, различий коммуникантов по возрасту, степени знакомства, по отношению к выполнению или невыполнению действия. Разработанная в этой диссертации методика комплексного системного описания русского императива с учётом фактора целенаправленной коммуникативной деятельности человека может быть применена в исследовании императивной системы русского языка в целом, а также в других языках – родственных и неродственных. Это перспективное направление лингвистических исследований.

В диссертационный совет Д 212.155.02 не поступали диссертации соискателей учёной степени доктора педагогических наук [13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык)] в 2012 г.

Диссертационный совет Д 212.155.02 рассматривал диссертации 15 соискателей учёной степени **кандидата филологических наук** (10.02.01 – русский язык):

1. Смирновой Анастасии Александровны «Языковая личность литературного персонажа и эмоциональный психотип человека (по произведениям М.А. Булгакова)» (12 января 2012 г.).

2. Юрловой Анастасии Андреевны «Становление принципов русской орфографии в XVIII веке (на материале грамматических трудов и памятников эпистолярного жанра)» (12 января 2012 г.).

3. Зайцевой Ирины Александровны «Стилистические изменения праславянской лексики в русском языке» (9 февраля 2012 г.).

4. Лапшиной Светланы Сергеевны «Особенности словообразовательно-фразеологического комплекса с полисемантом *нога* в современном русском языке» (9 февраля 2012 г.).

5. Николашвили Марины Николаевны «Номинация драгоценных камней в русском языке: этимология, функционирование, типология» (9 февраля 2012 г.).

6. Лукиной Евгении Сергеевны «Лексика итальянского происхождения в русском языке» (16 февраля 2012 г.).

7. Ротарь Викторией Владимировны «Иноязычная лексика в текстах путевой литературы рубежа XVII-XVIII вв.: лингвокультурологический аспект» (16 февраля 2012 г.).

8. Мелеховой Любви Александровны «Коннотация императива» (1 марта 2012 г.).

9. Савельевой Анны Алексеевны «Фразеологизмы семантической оппозиции «сила» vs «слабость» в современном русском языке (аксиологический аспект)» (15 марта 2012 г.).

10. Кувшиновой Елены Александровны «Становление разговорной речи как стилистической категории в истории русского литературного языка» (17 мая 2012 г.).

11. Расковой Натальи Викторовны «Фразеология и афористика языка произведений русских полководцев конца XVIII - начала XIX вв.» (17 мая 2012 г.).

12. Бойчук Евгении Владимировны «Языковые средства выражения семантики просьбы в русском и французском языках» (28 мая 2012 г.).

13. Дмитриева Дмитрия Вячеславовича «Средства номинации и предикации в отражении философской тематики творчества А.А. Фета» (8 ноября 2012 г.).

14. Летовой Анны Михайловны «Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре» (8 ноября 2012 г.).

15. Напалковой Светланы Викторовны «История слова *глагол* в русском языке» (8 ноября 2012 г.).

Диссертационный совет Д 212.155.02 рассматривал также диссертации соискателей учёной степени **кандидата педагогических наук** [13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык)]:

1. Киселевой Ольги Борисовны «Формирование речевой готовности учащихся на начальном этапе освоения коммуникативной компетенции» (15 марта 2012 г.).

2. Прошиной Елены Юрьевны «Активизация познавательной деятельности учащихся на уроках русского языка при изучении лексики с помощью интерактивных средств обучения (5-6 классы)» (15 марта 2012 г.).

3. Мазниченко Анастасии Сергеевны «Формирование способов освоения элементов словообразования на основе познавательных интересов младших школьников» (12 апреля 2012 г.).

4. Савкиной Ольги Михайловны «Риторическая фигура как средство обогащения синтаксического строя речи младших школьников» (12 апреля 2012 г.).

5. Бачун Антонины Николаевны «Формирование речемыслительных способностей учащихся на этапе обобщения и повторения школьного курса русского языка» (17 мая 2012 г.).

Диссертационный совет Д 212.155.02 в отчётном году отметил, что диссертационные работы по специальности 10.02.01 – русский язык связаны с актуальными тенденциями линг-

вистических разысканий XXI века, с особенностями ведущих направлений антропоцентрической парадигмы научных знаний, когнитивного, структурно-семантического изучения языка, его категорий и единиц различных уровней, с вниманием к тексту, языку СМИ, языку художественных произведений. Не потеряли актуальности и труды в области истории русского языка (Юрлова А.А., Зайцева И.А.), в том числе предполагавшие диахронную и сравнительную характеристику слов, эпидигм, конструкций (в сопоставлении с французским языком, чешским языком, итальянским языком – Бойчук Е.В., Зайцева И.А., Лукина Е.С.), изучение происхождения единиц, эволюции категорий (Николашвили М.Н., Лукина Е.С., Напалкова С.В., которой выявлена семантическая трансформация лексемы *глагол* в различные периоды развития русского литературного языка). Кандидатские диссертации касались исторических аспектов развития, стилистических признаков, принципов (Зайцева И.А., Ротарь В.В., Юрлова А.А.).

Филологические исследования велись не только в синхронном (Дмитриев Д.В., Савельева А.А.), но и в синхронно-диахронном планах (Зайцева И.А., Кувшинова Е.А., Лапшина С.С., Раскова Н.В.). Например, С.С. Лапшина выполнила синхронно-диахронный анализ лексемы *нога*, на материале не только русского литературного языка, но и диалектов, что позволило с возможной полнотой определить состав словообразовательного и фразеологического гнезда с данной лексемой, установить её деривационную и фразеобразовательную активность в русском языке.

В кандидатской диссертации Мелеховой Л.А. сделано обращение к императиву в плане грамматико-прагматическом: исследовались *коннотации императива*, доказана взаимообусловленность категориальной побудительной формы и императивной коннотации, разработана классификация средств коннотации императива на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

А.А. Летовой разработана методика лингвокультурологического и лингвофольклористического анализа *фитонимических единиц*, позволившая выявить метафорические, коннотативные особенности фитонимического лексикона фольклорной языковой картины мира; в научный оборот введено понятие *вегетативная метафора*, которое с антропоцентрических позиций систематизирует образно-мотивационную основу фольклорных фитонимов, отвечает принципам наглядности в описании метафорических конструкций, используемых в литературном языке и в фольклоре для номинации человека. Автором также описана система фольклорных идиом.

Изучение идиостилей и их влияния на формирование стилистической системы, жанра, русской концептосферы было отражено диссертациями Расковой Н.В. (фразеология и афористика языка произведений русских полководцев, военных деятелей – А.В. Суворова, М.И. Кутузова, А.С. Шишкова, А.П. Ермолова, С.Г. Волконского, Д.В. Давыдова), Кувшиновой Е.А. (продолжено исследование роли А.С. Пушкина в истории русского литературного языка в связи с рассмотрением *разговорной речи* как стилистической категории: изучены основные способы функционирования разговорных единиц в языке художественных произведений Пушкина А.С. и выделены их важнейшие функции, в том числе функция нейтрализации книжных единиц), Дмитриева Д.В. (описаны средства номинации и предикации, использованные в отражении философской тематики в поэтических и философских прозаических произведениях А.А. Фета, что позволило расширить представление о единицах идиолекта автора, а также о средствах воплощения философской семантики в русском литературном языке и в языке художественной литературы 2-й половины XIX века в целом).

А.А. Савельевой были впервые системно описаны на материале фразеологии концепты «сила» и «слабость», передающие динамику оценочных смыслов с учётом национально-культурных представлений о *ценности и антиценности*.

Диссертационный совет Д 212.155.02 в отчётном году отметил, что диссертационные работы по специальности 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык) (педагогические науки) посвящены развитию языковых и речевых компетенций у обучаемых (Бачун А.Н.), формированию речевой готовности, в том числе к разнообразным речевым построениям (Киселева О.Б., Савкина О.М.). Важно и то, что не оставлено без внимания изучение вопросов формирования и активизации познавательной деятельности в процессе изучения языкового материала на уроках, определены системообразующие принципы активизации познавательной деятельности учащихся, а также принципы обучения русскому языку с использованием интерактивных средств обучения (Прошина Е.Ю.), что актуально. Теоретическое значение диссертаций по данной специальности несомненно. Так, Мазниченко А.С. определены теоретические (лингвистические, психолингвистические, психолого-педагогические) основы построения методики формирования способов освоения элементов словообразования на основе познавательных интересов младших школьников, доказана целесообразность использования познавательных задач, предполагающих выполнение универсальных учебных действий, связанных с анализом, классификацией языкового материала и способствующих формированию способов освоения элементов словообразования.

Все диссертации получили положительную оценку как имеющие высокий научно-теоретический уровень подготовки, выполненные с использованием адекватных методов исследования, на значительном фактическом материале.

В ходе исследования избранных тем в рамках соответствующей проблематики авторами рассмотрены и представлены значительные по объёму материалы, которые нередко впервые вводились в научный оборот (Дмитриев Д.В. «Словарь рифм А.А. Фета» – более 4 п. л.).

Все исследования получили должную апробацию, авторы имели необходимое число публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, количество статей, указываемых в автореферате, у соискателей учёной степени кандидата наук в целом возросло (13).

Диссертации в основном характеризуются верным метаязыком науки, использованием адекватных цели, задачам, характеру материала исследования методов и приёмов, отсутствием погрешностей оформления.

Полученные результаты заслуживают применения в ходе разработки спецкурсов и спецсеминаров, при преподавании базовых дисциплин (*современный русский язык, стилистика, история русского литературного языка, теория текста, теория и история языка художественной литературы* и т. д.) в вузах РФ (Москва, Московская область, Калуга, Рязань, Петропавловск-Камчатский).

*Учёный секретарь диссертационного совета Д 212.155.02
Леденёва В.В.*

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Международный сборник научных трудов «Рациональное и эмоциональное в русском языке» (М.: МГОУ, 2012) вышел накануне 80-летия Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора филологических наук профессора Павла Александровича Леканта. Соратники, единомышленники, ученики П.А. Леканта из разных городов и весей – как отечественных, так и зарубежных – собрались на конференцию и наглядно продемонстрировали: дело Леканта живёт и побеждает.

Открывается сборник приветственным словом Павлу Александровичу, в котором его друзья и коллеги, ученики и ученики учеников выражают «глубокую признательность и искреннее уважение» своему наставнику – выдающемуся учёному и замечательному человеку.

Естественно, что программной статьёй сборника стала статья П.А. Леканта «Рациональный и эмоциональный потенциал русской грамматической системы». Представив рациональное и эмоциональное как суперкатегории, П.А. Лекант отметил их соотнесённость с лингвистическими категориями логики, психолингвистики, социологии, культурологии и «многомерное, многоуровневое» соотнесение друг с другом, но прежде всего указал на то, что «эти суперкатегории заложены в грамматической системе и представлены в грамматическом учении о слове и предложении» (с. 297). П.А. Лекант уделил большее внимание «традиционным» грамматическим и прежде всего синтаксическим средствам, но «не обидел» и порядок слов и интонацию, подчеркнув при этом их особый статус как «суперсегментных» средств. Однако не только рациональное видит П.А. Лекант в грамматической системе русского языка, но и богатые возможности для выражения эмоций: «категория эмоционального представлена системой грамматических средств» – восклицательной интонацией, междометиями и частицами, вводно-эмоциональными компонентами, интенсивом и др. (с. 299-300). Таким образом, в программной статье П.А. Леканта были заложены основные направления изучения рационального и эмоционального – содержательное, формальное и функциональное, к которым так или иначе тяготеют другие статьи сборника.

Интересно, что П.А. Лекант представлен в сборнике не только как «генератор идей» (с. 4), создатель научной школы, но и как объект изучения: описанию языковой личности Павла Александровича посвящена статья Т.В. Маркеловой и М.В. Петрушиной «Рациональное и эмоциональное в языковом пространстве учебно-научного текста П.А. Леканта». Модель языковой личности строится авторами на основе анализа трёх компонентов: аксиологии языка – аксиологии речи – аксиологии дискурса. Речевой портрет П.А. Леканта представлен в статье в динамике, которая проявляется в последовательном «отказе от сложных конструкций и окончательных решений в грамматиконе; нарушении классической терминологии, инкрустации разговорными и профессиональными лексико-фразеологическими элементами, живыми метафорами в лексиконе; внедрении рационального, эмоционального и экспрессивного в прагматиконе» (с. 314).

Многие статьи сборника продолжают и развивают идеи П.А. Леканта о грамматических средствах выражения эмоционального. В статье Н.А. Герасименко и О.А. Филипповой «Превращение как характеристика и оценка персонажа (на материале бисубстантивных предложений)» на фоне изучения неоднородности семантики превращения выделяются разновидности бисубстантивных предложений, в которых значение оценки является основным (*В этой компании я сразу превращался в ничтожество*. В. Алексеев). Таким образом дополняется выделенный П.А. Лекантом ряд грамматических средств выражения эмоционального. В этот же ряд вписывается настоящее эмоциональной актуализации, которое не может быть не связано с выражением оценки и которое стало предметом внимания Н.А. Николиной в статье «Настоящее эмоциональной актуализации в современном русском языке» как частный случай транспозиции глагольных форм времени. В статье И.В. Замятиной «Безличные причастные предложения со значением оценки результативного состояния: структура и семантика» рассматриваются условия, при которых безличные причастные предложения реализуют значение оценки: если субъектная и объектная валентность предикатива не реализуется в падежных формах, в семантической структуре предложения происходит сдвиг – акцентируется значение не состояния как результата действия, а оценка этого состояния (*Ловко придумано!* М. Марич).

Исследователи рационального и эмоционального в русском языке не замыкаются на изучении предложения / высказывания; они выходят на широкие просторы текста (художественного и нехудожественного), дискурса, языковой и речевой деятельности (на сложности разработки теоретического аппарата исследования указывают статьи В.В. Бабайцевой «Слово, язык, речь», Н.К. Онипенко «Лингвистический анализ текста и терминологический аппарат современной грамматической науки»). Статья Т.Е. Шаповаловой «Узуально-характеризующее значение категории синтаксического времени и его представление в повести Л.Н. Толстого “Дьявол”» посвящена описанию таких экспликаторов, которые характеризуют явление действительности как типичное, обычное, повторяющееся: глагольные лексемы *случалось, бывает*, темпоральные наречия *часто, редко, иногда, опять*.

Наряду с «речевой» составляющей рационального и эмоционального пристальное внимание привлекает его языковое, в частности, словарное воплощение. Статья Г.А. Золотовой «Русский глагол в словаре, в предложении и в тексте» посвящена вопросу отражения в словаре «грамматической информации» о слове, сведений о «сочетаемости», о «валентностях». «Заложенная в слове программа его речевого функционирования» представлена в статье на примере значений многозначных лексем *говорить* (1), (2), (3), *идти* (1), (2).

Рациональное и эмоциональное в русской лексике рассматривает также М.В. Пименова. Опираясь на понятие «коннотативный смысл высказывания» и одновременно отталкиваясь от него, автор статьи предлагает учитывать «взаимосвязь субъективных и объективных факторов в семантике оценки», а не закреплять жёстко оценочность только за коннотативным или только за денотативным компонентом структуры лексического значения. Изменениям в структуре лексического значения посвящена статья В.В. Леденёвой «Ересиарх и еретик в составе номинаций религиозно-нравственных понятий Н.С. Лескова»; В.В. Леденёва описывает процесс нейтрализации и замещения сем в составе автохарактеристики Н.С. Лескова (*смиранный ересиарх*), что ведёт к замене словарного значения авторским, контекстным.

Хотя сфера научных интересов П.А. Леканта в основном современный русский язык, предложенная им методология даёт новые возможности описания не только русского языка в диахронии (Л.Ф. Копосов «О некоторых особенностях развития делового стиля в XVIII в., К.А. Войлова «От *папы* римского до *попа* русского», И.А. Антипова «Идентифицирующее толкование в древнерусском тексте», Л.В. Ненашева «Описание рукописных источников XV –

XVII веков, хранящихся в Архангельском музейном объединении “Художественная культура Русского Севера”»), но и других языков, в том числе и в сопоставлении (А. Вершик «Эстонское влияние на русский язык Эстонии: возникновение нового языкового варианта», А. Вулане «Корреляция объективной действительности и субъективной оценки посредством словообразовательных средств в латышском языке», Л. Гавелкова «Рациональность и эмоциональность русских и чешских народных примет», Т. Григорянова «Современные русско-словацкие фразеологические модификации», Е.М. Маркова «Закон экономии языковых средств в аспекте лексической конвергенции современных славянских языков»).

Представлены в сборнике и новые направления лингвистических исследований, в частности, когнитивное описание: Ю.В. Коренева «Крест в агиографии: понятийная и образная стороны концепта», И.А. Иванова «Языковое воплощение концепта *любовь* в художественном тексте И.А. Бунина».

Сборник включает настолько разнообразный материал, что даже упомянуть все представленные в нём направления исследования, все аспекты изучения рационального и эмоционального не представляется возможным. Однако ясно, что Международный сборник научных трудов предлагает наиболее перспективные и плодотворные варианты решения сложной проблемы рационального и эмоционального в языке. *

Е.Ю. Геймбух

* Электронная версия сборника "Рациональное и эмоциональное в русском языке" размещена на сайте электронного журнала "Вестник МГОУ" (http://vestnik-mgou.ru/books/sbornik_nauchn_trudov.pdf).

НАШИ АВТОРЫ

Аношкина-Касаткина Вера Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru.

Васильева Мария Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, преподаватель Муниципального образовательного учреждения Уфимская общеобразовательная школа-интернат с первоначальной лётной подготовкой Уфимский Кадетский корпус; e-mail: antarktyda@mail.ru.

Геймбух Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Московского городского педагогического университета; e-mail: geymbuh@rambler.ru.

Клюкина Анастасия Владимировна – аспирант кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института имени А. М. Горького; e-mail: nansymoon@mail.ru.

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: 1684941@mail.ru.

Никонова Надежда Александровна – аспирант кафедры филологии Ульяновского государственного университета, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания Ульяновского государственного университета; e-mail: nika_hope@mail.ru.

Сенина Ирина Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: senina_irina@mail.ru.

Червоненко София Михайловна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, старший лаборант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: sm1705@mail.ru.

Цынк Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Димитровградского инженерно-технологического института (филиала Национального исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института); e-mail: mindliny@mail.ru.

Шестопалова Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: classika-115@mail.ru.

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: Schedrina@gmail.com.